

МЕЛЬНИКОВА ИРИНА

вера, надежда, любовь

Антик
С ГВОЗДИКОЙ

издательство «ЭКСМО»

Ирина Мельникова

АНТИК с гвоздикой

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Антик с гвоздикой / И. А. Мельникова — «Эксмо»,

Графиня Наталья Измestьева жила в своем имении полновластной хозяйкой. Когда умер ее муж, редкостный негодяй, она изгнала из дома всех его прихвостней, перестала выезжать в свет и принимать у себя. Но вот у нее объявился сосед – князь Панюшин, который сразу заявил о себе, приехав к Измestьевой без приглашения. Графиню потрясла его наглость, но столь же сильно потрясла и личность князя. Он не был похож ни на одного из ее скучных соседей. Богатый и красивый князь считался выгодной партией для уездных барышень... Но какую игру затеял этот сердцеед, посылая именно Наталье розы из своей оранжереи? Неужели, думала она, Панюшин считает, что провинциальная вдова тут же сложит перед ним оружие? Сдаваться она не собиралась. И не знала, что князь Григорий потерял голову, увидев ее в первый же день приезда в имение – прекрасную амазонку на арабском скакуне...

© Мельникова И. А.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мельникова Ирина

Антик с гвоздикой

Глава 1

Серые от многодневных дождей поля, поникшие озимые, неряшливые копны прошлогодней соломы, раскисшая дорога, печально обвисшие ветви прибрежных раkit, черные пни на месте старых вырубок, покосившиеся кресты старых погостов, и повсюду – мокрые, недовольные вороны, сидящие на нижних ветках деревьев, камышовых крышах, повалившихся плетнях и провожающие слишком нарядную для подобной глуши карету унылым, полным мрачной безысходности карканьем.

Князь Григорий Панюшев в очередной раз выглянул из окна кареты, вздохнул и откинулся головой на подушки. Жесточайшая скука съедала его на протяжении последних дней, длинных и однообразных, как и весь путь до его нового имения, которое с божьей помощью и за приличную сумму кредитными билетами князь выкупил у наследников княгини Завидовской. Им оно было в тягость из-за обширных размеров, чрезмерной удаленности от города и приличных дорог.

Из Москвы выехали ясным июньским утром, сухим и теплым. Кажется, ничто не предвещало долгого нынешнего ненастья, но на подъездах к Ярославлю их накрыла огромная грозовая туча, исхлестала, словно плетью, градом, обрушилась щедрым ливнем, который к исходу ночи превратился в нудно морозящую непотребу, окончательно испортившую дальнейшее путешествие.

Княжеский обоз из пяти фур с племенными лошадьми и десятка кибиток, в которых ехали повара, официанты, конюхи, берейторы, псары с борзыми и гончими собаками, музыканты, а также два его камердинера, охраняемый вдобавок двумя дюжинами конных егерей, растянулся на полверсты. И вместо обещанных двух-трех дней тащился по раскисшим дорогам уже неделю. Причем князю и его многочисленной челяди не единожды приходилось ночевать в палатках, которые разбивали или прямо в поле, или на лесной поляне. Постоялые дворы в этих местах отстояли друг от друга не меньше, чем на полсотни верст, к тому же отличались такой убогостью и грязью, что князь предпочитал провести ночь на узкой походной кровати, нежели на кишаших блохами и клопами перинах очередного auberge.¹

– Долго еще? – спросил он недовольно, не поворачивая головы к соседу, старинному своему приятелю, товарищу по забавам ветреной юности, которого он совершенно случайно отыскал в Санкт-Петербурге по возвращении в Россию. Известный всей столице лихой гусар, бретер и повеса, Аркадий Дроздовский славился еще и тем, что, получив внезапно свалившееся на него наследство, исправно пропивал его в компании подобных ему гуляк и бездельников.

Но более всего знаменит он был своей необыкновенной страстью к уличным маскарадам и в первую очередь прославился проказой, о которой долго судачили в Северной столице. Нарядившись нищенкой-чухонкой, он принялся мести тротуары перед домом своего дальнего родственника князя Голицына, а на следующий вечер повторил это занятие уже перед особняком престарелой княгини Рузаковцевой, любившей устраивать шумные празднества с приглашением множества именитых гостей.

В рваном платье, с лицом, измазанным сажей, с растрепанной метлой в руках он сновал между экипажей, норовя задеть или потереться боком о разряженных светских красавиц и их напыщенных, точно павлины, кавалеров. Завидев знакомого или приятеля, он тотчас кидался

¹ Постоялый двор (*фр.*).

к нему, требовал милостыни, тряс перед ним грязной метлой, хватал его за отвороты сюртука и как бы ненароком сбивал цилиндр. В случае отказа бранился по-чухонски и очень умело отбивался от дюжих лакеев, которым обиженные хозяева приказывали гнать нищенку с глаз долой. Иногда ему крепко доставалось, но, несмотря на тумачи и шишки, страсти своей Аркадий не утратил и продолжал озорничать и потешать столичную публику своими выходками. И хохотал громче всех, когда его узнавали.

Жертв его розыгрышей с каждым днем становилось все больше, про его проказы рассказывали легенды, и, не желая потерять славу оригинала и выдумщика, он вынужден был прибегать все к новым и новым уловкам и хитростям, чтобы обвести очередных простаков вокруг пальца. Поэтому розыгрыши Дроздовского с каждым разом становились все изощреннее и злее, а пресыщенную его переодеваниями публику уже не так просто было обмануть и тем более рассмешить.

В свете постепенно назревало недовольство, но проказник, казалось, ничего не замечал и продолжал развлекаться как ни в чем не бывало. Однажды к известной своей набожностью и праведной жизнью графине Черноуховой заявили две монашенки и принялись слезно просить подаяние на монастырь. Просили и рыдали так убедительно, что Черноухова самолично отправилась за деньгами, а вернувшись, свалилась в обморок: монашки с неистовством и диким хохотом плясали вприсядку. То был Дроздовский на пару с приятелем. Говорят, Черноухову поразила не сама пляска, а изрядно волосатые ноги монашенок, которыми они выде- лывали коленца, задрав подолы одеяний чуть ли не до пояса.

Чашу терпения переполнил случай, который и положил конец мистификациям и шуткам Дроздовского. На одном большом обеде, в то время, когда гости рассаживались по местам, из-под шведского дипломата выдернули стул. Дипломат растянулся на полу, но тотчас вскочил на ноги и дрожащим от гнева голосом произнес: «Надеюсь, что негодяй, который позволил со мной дерзость, объявит свое имя!» Дроздовский не объявил и с этих пор словно умер для столичного бомонда. Обиды и насмешки от него выносили, но трусости не простили.

Накануне встречи с князем Панюшевым Аркадия жестоко избили в подворотне собственного дома. И как он подозревал, люди, нанятые одним из обиженных. С момента своего конфуза Дроздовский пил все дни напролет, а прежние друзья и приятели после падения своего кумира весьма быстро покинули его. К тому же оказалось, что долговых расписок и разных денежных распоряжений и поручений выписано им на сумму гораздо большую, чем тетушкино наследство. Поэтому в уплату долгов ушли не только остатки денег, но и отцовский дом в Петербурге, и небольшое имение на берегу реки Клязьмы...

– Верст десять, – прервав размышления князя, ответил Аркадий, – сейчас вдоль озера с полверсты проедем, потом будет мост через Бедовый овраг, а там уж и твои земли начнутся.

– Что, в озере много рыбы? – спросил князь и зевнул.

– Много, ваша светлость, много, – вздохнул сидящий напротив управляющий имением Кузьма Ильич Бобрыкин. Он встретил обоз накануне в городе. – Только с вашей-то стороны к озеру не подступиться. Топи да болота. А у барыни, говорят, мужики изрядно ловят. В прошлом годе шуку с золотой серьгой поймали. Старики рассказывают, ее еще при матушке Екатерине в озеро выпустили. Очень любила императрица у старого графа гостевать. Видно, запала душой на наши места. А когда граф после пожара новый каменный дом выстроил, она вроде сама его и нарекла: «Антик с гвоздикой».² До сей поры так имение и называется.

– Что за граф? – Григорий зевнул и вновь выглянул в окно. Дождь прекратился, а в небе сквозь поднявшиеся вверх тучи проявился вдруг тусклый солнечный диск.

– Измestьев, – ответил за Бобрыкина Аркадий. – Сам старик лет тридцать назад помер, но ты должен помнить молодого. Федором его звали. Богат он был безмерно, но балы почти не

² *Антик с гвоздикой* – нечто особенное, исключительно красивое, выдающееся, из ряда вон выходящее (*старин.*).

посещал, в карты по-крупному не играл. И женился как-то тихо, без огласки. Говорят, матушка ему сама невесту подыскала. А лет восемь назад он себе шею свернул. Лошадь понесла и сбросила его в овраг. Как раз в тот самый, что сейчас переезжать будем. В Бедовый.

– Что ж, потому его так и называют Бедовым? – Григорий посмотрел на управляющего.

– Да нет, – махнул рукой Бобрыкин, – тут у нас самые разбойные места были. Старики рассказывают, чуть подале, в Страшном овраге, сам Иван Лихутьев со своей шайкой станом стоял. Грабили и убивали всех без разбору. Раньше за двадцать верст уезжаешь, а бабы ревмя режут, будто на верную гибель провожают. Сам-то Ванька-разбойник силы был немереной и хитрован, каких поискать. Один ходил на сотню обозных подвод. А в холмах, – Кузьма указал рукой в сторону проглядывающего сквозь густые заросли озера, – на старой дороге у Грехового обрыва он как-то одного помещика ограбил. Наскочил с дюжиной своих разбойников на обоз поболее нашего, одних слуг да свиты было человек сто, и взял все подчистую. Оставил только по расчету, сколько нужно было на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. А на Зарайской горе спускал купцов кубарями и даже отправлял кое-кого за рыбными процентами на дно озера.

– Про этого Лихутьева здесь чистые сказки рассказывают, – усмехнулся Аркадий. – Якобы окружит его военная команда, а он выпьет заветный ковш вина и исчезнет в том же ковше. В другой раз его совсем уж было схватили и связали, но вдруг вся изба занялась дымом и пламенем, словно пороху кто подкинул.

– Что ж, поймали его? – Григорий почувствовал, что скука окончательно оставила его.

– Про то неизвестно, – вздохнул управляющий и виновато развел руками, словно это по его упущению хитрый и дерзкий разбойник не был схвачен и посажен в острог. Но тут же, прищурившись, с ухмылкой произнес: – Давненько это было, еще при матушке Екатерине, так что, может, и врут люди-то.

– Выходит, императрица не боялась разбойников, если часто гостила в этих местах?

– Не боялась, ваша светлость, видит бог, не боялась, – перекрестился управляющий. – Да и на то время, когда она здесь пребывала, разбои прекращались. – Кузьма слегка понизил голос и боязливо оглянулся на окно кареты. – Люди поговаривают, что граф Измestьев и Ванька Лихутьев – в одном лице пребывали. Граф, видно, потому и промышлял грабежами да разбоями, что дела у него поначалу худо шли, а потом разбогател как бы ни с того ни с сего. Был даже случай, когда один из купцов, не знаю уж насколько это правда, углядел на графе свой кафтан. Но купец вскорости исчез, как сквозь землю провалился, а с графом связываться боялись. Роста он был высокого и силы необыкновенной. Руками подковы гнул и тройку лошадей за задок саней удерживал. А вот сын подкачал. И ростом не вышел, и голос писклявый, как у девки. После смерти графа именем старая графиня управляла, она-то Федора Гавриловича и оженила. Люди говорят, насильно. Никак молодой граф не хотел жениться. Но потом вроде свыкся, но шибко жену бил. Особенно после смерти матушки-графини свирепствовал, но молодая графиня тоже в долгу не оставалась. Рассказывают, что как-то из окна его вытолкала, после чего граф охромел...

Князь и Дроздовский переглянулись и рассмеялись.

– В соседях у тебя, Григорий, особенная женщина, – не переставая улыбаться, пояснил Аркадий. – Характера невыносимого, со всеми соседями в ссоре. На свои земли никого не пускает. С визитами не ездит. Живет почти отшельницей с сестрой да челядью. Две деревни и село имеет во владении, и, говорят, еще в Орловской да Воронежской губерниях деревни есть. Богата, капризна, своенравна.

– Красива?

– Красива, mon cher, очень красива, но не каждому под силу с такой упрямой и вздорной кобылкой справиться.

– Тебе приходилось с ней встречаться? – с неподдельным интересом спросил князь, и Дроздовский ухмыльнулся про себя, заметив, как заблестели глаза у приятеля.

– Увы, бог миловал от подобного счастья. Графиня из тех, что самолично рекрутам лбы забривает и нагайку в руках с неменьшим искусством держит, чем тот же веер или лорнет.

– Пытались к ней свататься поначалу, – поддержал господскую беседу Кузьма, – только она и сватов и женихов велела батогами гнать аж до самой границы имения и с той поры на всех дорогах кордоны выставила, чтобы никто на ее спокойствие не покушался. Да вон один как раз виднеется. Тут самый короткий путь до усадьбы. А версты через две и сам дом увидим...

Григорий выглянул в окно. Широкая песчаная дорога заворачивала плавно в лес, где на опушке виднелись каменные столбы с навесными тесовыми воротами, возле которых стояли два здоровенных угрюмых мужика с кремневыми ружьями на изготовку.

– Крепкая стража, ничего не скажешь! – усмехнулся князь. – Неужто стрелять будут, если решимся вдову навестить?

– А кто ж их знает? – почесал в затылке Кузьма. – Покамест не стреляли, но никто ведь и не решается сквозь эти ворота проехать.

За разговорами они не заметили, что бескрайние поля сменились низкими пологими холмами, поросшими мрачным еловым лесом. И лишь изредка на месте бывших гарей и вырубок яркой зеленью полыхали молодые березняки или выскакивала вдруг на поляну стайка осин с мелкими, в копейку, листочками.

Дождь совсем прекратился. Песчаные осыпи под первыми, еще робкими лучами солнца казались золотыми доспехами, брошенными уставшим воином на обочину дороги. Напряженный взгляд пристально вглядывался в неприветливые и темные глубины леса, замирал на каждом пригорке: вот-вот мелькнет среди деревьев заманчиво и дразняще фасад барского дома, прячущегося в парке, который разделяет непременная липовая аллея, ведущая к озеру. И, возможно, лишь этот ровный строй лип или белая стена беседки, а то и шпиль колокольни выдадут присутствие усадьбы со странным и интригующим названием «Антик с гвоздикой».

Григорий вздохнул. Сколько можно предаваться подобным романтическим иллюзиям? Разве не ошибался он в этой жизни, позволив чувствам взять верх над разумом? Ошибался, и не единожды, и вот опять размышлялся, как слюнявый отрок, только что оторванный от маменькиной юбки.

И красавица-вдова наверняка окажется толстой и курносой, увядшей прежде времени помещицей, с большой грудью и в нарядах, которые вышли из моды лет этак двадцать назад. Самодурство в крови русских барынь, особенно тех, что обрекли себя на проживание в подобных, богом забытых местах, где модные парижские журналы отродясь в руках не держали, и вся забава что с мухами воевать да девок по щекам хлестать или с собственным конюхом прелюбодействовать.

Но напряжение в нем продолжало расти, непонятное раздражающее его напряжение, переходящее в дрожь, и, чтобы ее унять, ему пришлось стиснуть зубы и сцепить пальцы – подрагиванием они могли выказать его неожиданное и столь же нелепое волнение.

Чтобы не выдать своего ничем не оправданного интереса к окрестностям, Григорий смотрел в окно кареты вполоборота, словно нехотя, надеясь, что его взгляд по-прежнему скучающе-ленив и никоим образом не отражает истинного настроения хозяина.

Слева над холмами и темной стеной елового леса показалась высокая колокольня, четко выделяющаяся на фоне посветлевшего неба. Дорога взлетела на увал, и с него открылась панорама городка, разлегшегося на высоком противоположном берегу реки, бесконечные извивы которой терялись среди холмистых гряд, укрытых густым лесом.

Храмы, зубчатые стены, башни... Далеко видны высокие, поросшие травой земляные валы, маковки церквей, всегдашние аркады екатерининских еще торговых рядов и обывательские домики в садах, разбросанные по косогорам, разделенным оврагами.

– Белореченск, – пояснил Аркадий, – тут неподалеку бывшее матушкино имение находится. Я эти места с малолетства знаю.

Дорога вновь скользнула вниз, потом вверх. Где-то близко в затененном ивами овраге угадывалось присутствие небольшой речушки или ручья. Горбатый мост, бревна которого так резво пересчитали копыта лошадей, на пригорке покинутое здание немецкой экономии, а дальше совсем ровная, высокая, точно подрезанная гигантскими ножницами стена лип, и тут же справа между темными стволами опять бесконечная водная гладь огромного озера.

– Смотрите, ваша светлость! – выкрикнул Кузьма и вытянул руку в направлении озера. – Вон она, красота-то какая!

Но Григорий уже и сам увидел то, что Екатерина Великая окрестила когда-то «Антиком с гвоздикой». Огромный трехэтажный дом из белого камня с шестью колоннами парадного входа, на которых покоился изящный треугольный фронто́н. Высокое крыльцо, двумя маршами сбегаящее к озеру, украшено фигурами мраморных львов, лежащих в позе сфинксов. Образуя двор, кругом, словно девки в хороводе, расступились липы, а в самом центре его возвышался громадный дуб с привольно раскинувшимися ветвями, прикрывающими дом от посторонних взглядов. В высоких окнах бельэтажа, за которыми угадывались анфилады парадных покоев, играли солнечные лучи, еще выше – антресоль с почти квадратными окнами. Там наверняка находились детские и комнаты для учителей... Справа, неподалеку от дома, на высоком каменном пригорке виднелась легкая и изящная беседка-ротонда, укрытая кустами сирени, о восьми тосканских колоннах, несущих купол, увенчанный шаром.

Григорий перевел дыхание. Что-то давно забытое, почти сказочное всплыло в его памяти при виде этого чуда, затерянного в глуши среди мрачных и диких ельников, многочисленных озер и болот. Но дорога ушла в сторону, и усадьба скрылась за деревьями, лишь сполох солнечного луча, отраженного от окон верхнего этажа, мелькнул напоследок сквозь густые кроны. И это заставило мучительно сжаться сердце, потому что память вновь возвратила князя к самым тяжелым и безрадостным мгновениям его прошлой жизни.

Он снял шляпу и вытер платком вспотевшее лицо.

– Смотри, Григорий, – сказал тихо Аркадий, – похоже, сама хозяйка нас сопровождает.

Князь потянулся к окну и замер в восхищении от представшего перед ним зрелища всадника, вернее, всадницы в мужском костюме. Пригнувшись к шее великолепного арабского скакуна, она мчалась по дороге, идущей вдоль границ имения. Она настолько была поглощена скачкой, что не обращала внимания ни на обоз, ни на крики и свист егерей, ни на лай возбужденных собак, ни на улюлюканье слуг, высунувшихся из кибиток. Лошадь шла ровно, и всадница держалась в седле как влитая.

То и дело она скрывалась меж песчаных увалов или за деревьями, но тут же возникала снова. Женщина была без шляпки, и ветер развеивал густую гриву темных волос.

– Да-а! – протянул Григорий и озадаченно посмотрел на приятеля. – Чистая амазонка! Почтище гусара в седле держится!

– Чего уж там! – покачал головой Аркадий и восхищенно произнес: – Не хотел бы я на скачках с ней встретиться. Нет, ты только посмотри, как ее лошадь слушается! Ну, ведьма, право слово, ведьма!

Лошадь с всадницей взлетела тем временем на высокий холм и застыла там как изваяние. И Григорий отметил, что наездница великолепно сложена и, верно, обладает сильным характером, если заставляет повиноваться себе столь гордое и непокорное создание, как чистокровный арабский скакун. Незнакомка тем временем из-под руки оглядела горизонт, долю секунды задержалась взглядом на обозе, а потом, натянув поводья, подняла коня на дыбы и, огрев его плеткой, исчезла почти мгновенно за холмом, еще быстрее, чем появилась перед этим на дороге.

– *C'est magnifique!*³ – воскликнул Аркадий и захолопал в ладоши. – Чует мое сердце, князь, скучать рядом с подобной соседкой тебе не придется. Держу пари, кто-то ей сообщил о твоём приезде. Ох уж это женское любопытство и самолюбие! Дождь, слякоть, а она наперегонки с твоей каретой...

– Да графиня здесь завсегда катается. Дождь не дождь, все равно велит лошадей выводить, – остудил его восторг управляющий. – И утром тоже чуть свет выезжает, другой раз только солнце встанет, а она уже на другом конце озера. И чего ей не спится?

– Чего, чего, – рассмеялся Аркадий, – знамо дело чего... – Заметив недовольную гримасу на лице князя, он сбился и замолчал, почувствовав, что его домыслы по поводу ранних прогулок княгини в данном случае неуместны.

А Григорий подумал, что ему тоже захотелось вдруг прокатиться поутру вокруг озера, даже по росе, даже сквозь туман и дождь, чтобы увидеть поближе, разглядеть как следует эту странную женщину, будто видение промелькнувшую перед его глазами несколько мгновений назад.

³ Великолепно! (*фр.*)

Глава 2

Были освещены лишь часть вестибюля, истинные размеры которого терялись в темноте, и лестница, ведущая на второй этаж, но Григорий успел заметить, что мебель закрыта чехлами. Одинокий дворецкий с седыми бакенбардами, в небрежно натянутом на голову старинном парике, встретил их у дверей и, поклонившись, повел князя и его друга в библиотеку.

Занавеси на окнах были задернуты, но в камине полыхал огонь, и Григорий первым делом подошел к нему и протянул к пламени озябшие ладони.

– Никак лето не устоится ноне, – покачал головой дворецкий и спросил: – Ужин подавать, ваша светлость?

– Подавай! – Князь посмотрел на Дроздовского. – Думаю, следует хорошенько выпить по случаю благополучного завершения нашего путешествия.

Аркадий улыбнулся:

– Весьма дельное предложение! – И повернулся к дворецкому: – Эй, как тебя, любезный? Елистрат? Проводи-ка меня, Елистрат, к вашему погребку, где вина хранятся. А я уж сам отберу, что нам по вкусу придется. Кстати, какие вина барыня пила, французские или испанские? А может, венгерские?

– Ее сиятельство Мария Васильевна пила только шампанское «Моэт» и «Аи», да еще мадеру, – вздохнул дворецкий. – Больше ничего не признавали-с.

– Что ж, на первый случай это даже неплохо, – подмигнул Аркадий князю. – А то я, грешным делом, испугался, что старуха по скудости претензий наливками баловалась, а я их терпеть не могу.

– Наливки тоже имеются, – степенно сказал дворецкий и принялся загибать пальцы. – Сливовая, на малине, на черной смородине, на рябине... Но лучше всех – вишневая. Княгиня ее самолично изготавливала.

– Ничего, дойдет дело и до наливок, – махнул рукой Аркадий. – В крайнем случае, я согласен и на наливку. Только без мух! А то я знаю местные обычаи. То муха в супе, то таракан в пироге...

– Зря вы так, ваша милость! – обиделся дворецкий. – Раньше наша барыня больше за границей жила, чем в имении, а по старости, когда уж кости скрутило, здесь обосновалась. Но порядки у нас навела тамошние. Не то что тараканов, мышей всех выжили.

Аркадий хлопнул дворецкого по плечу.

– Прекрасно! Теперешний твой барин тоже десять лет за границей прожил. Слышал про реку такую Амазонка? Протекает в далекой Южной Америке. Крокодилов там тьма, а еще больше арапов, местные их ниггерами зовут, что значит «черный». Представляешь, кожа у них чернее дегтя. – Он передернулся. – Бр-р! Страх господний!

Дворецкий невозмутимо посмотрел на него:

– У господина все едины, ваша милость! Выходит, была у него такая надобность черными их изобразить.

– А ты, братец, дипломат! – ухмыльнулся Аркадий. – Всему, видно, оправдание найдешь.

Подталкивая дворецкого в спину, он вышел из библиотеки. Григорий взял со стола массивный подсвечник с единственной зажженной свечой и осветил книжные полки и тяжелую дубовую мебель, которой была обставлена библиотека.

– О небо! – воскликнул он озадаченно, обнаружив, что большинство книг на латинском и немецком языках, изрядно попортивших ему кровь в детстве. Он перевел взгляд на стену и хмыкнул еще более удивленно, узрев портрет, вероятно, кого-то из предков княгини Завидовской, судя по одежде, жившего добрую сотню, а то и больше лет назад. – Это кто такой? –

спросил он у дворецкого, вновь возникшего в библиотеке, но уже в компании двух заспанных лакеев, которые, толкаясь друг о друга, принялись накрывать стол для позднего ужина.

Дворецкий подошел ближе и, слегка прищурившись, взгляделся в портрет, мрачно взирающий на них со стены. Потом махнул рукой.

– А, это прадед княгини, князь Лисовой. Говорят, император Петр его Старым Лисом прозвал за ум и за хитрость. А потом казнил, потому что он супротив царя пошел. Сына его непутового, цесаревича Алешку, спасти хотел от смерти... Как уж там у них получилось, никому не ведомо, но только государь император дюже осерчал, когда узнал про изменщика. – Дворецкий вздохнул и посмотрел на князя: – Головы тогда, как капусту, рубили... Вот и у него тоже в одночасье слетела.

– Да, кстати, веская причина, чтобы смотреть столь мрачно, – усмехнулся князь и обвел рукой книжные шкафы. – Неужто княгиня все это читала?

– Мне это неведомо, ваша светлость, – пожал плечами дворецкий, – она почти здесь не бывала, а вот старый князь любил около камина погреться да трубку раскурить. Он так тут и умер, вон в том кресле, – кивнул он в темный угол, где виднелось массивное кожаное кресло. – Заснул и не проснулся...

– Да-а? – протянул удивленно князь. – А княгиня случайно не в моей будущей постели скончалась?

– Нет, ваша светлость, – не дрогнув бровью, пояснил дворецкий, – ее спальня в другой половине дома и на первом этаже, а вам спальню на втором этаже приготовили, там раньше молодой князь спали, пока в Морской корпус служить не уехали.

– Ну, слава богу, а то я размечтался... – усмехнулся князь и оглянулся на портрет угрюмого предка прежней хозяйки поместья. – Надеюсь, привидений здесь не водится?

– А это уж как везде, – вздохнул удрученно дворецкий, – вот в прошлом году по осени у нас на конюшне кузнец удавился по причине несчастной любви. Так девки-вышивальщицы рассказывают, что несколько раз после того его видели. В белом саване, борода тоже белая... Слоняется возле бани, где он свою Дуняху с конюхом застал, и жалобно так стонет: «Дуняша, мол, Дуняша!» Но девкам и соврать недорого взять! А на болотах недавно мужики корову встретили о четырех рогах, до самой дороги за ними гналась... Всякое бывает, незнамо откуда только что берется!

«Известно откуда, от скудости ума и известной дикости фантазий», – хотел сказать князь, но передумал. Старик был ему приятен, и не его вина, что ему не удалось, как самому князю, повидать свет и прочесть все эти мудреные книги, которые, похоже, отродясь никто с полок не снимал. Разве только горничная смахнет изредка пыль с корешков да раз в год проверят, не завелся ли кожеед и не закралась ли плесень между страниц.

– Ладно, иди спать, – приказал он дворецкому, – только вели, чтобы на рассвете моего Мулата и лошадь его милости оседлали. Мы с ним верхами прогуляемся. Окрестности имения осмотрим. Да, и прихвати этих остолопов, – кивнул он на лакеев, застывших у стола. – И больше не присылай их. Я привез с собой двух официантов, они и будут прислуживать в столовой. А этих бездельников определи куда-нибудь подальше, чтобы их рожи заспанные больше мне на глаза не попадались.

– Свиристествуешь, mon ami? – усмехнулся возникший на пороге Аркадий, провожая взглядом еще больше поскучневших лакеев и огорченного дворецкого, что-то сердито им выговаривающего.

– Ты просто не видел меня свирепым, – усмехнулся Григорий, – но посуди сам, с чего мне веселиться. Оказывается, тут в избытке всякой чертовщины. Вон портрет проходимца, которому Петр Алексеевич снес голову в свое время, а в том кресле скончался князь Завидовский, а у бани конюх-удавленник слоняется, и на болоте...

– Да полно тебе, друг любезный, – скривился Аркадий, – что тебе, заняться больше нечем, как подобные бредни выслушивать? – Он подошел к столу, окинул его скептическим взором, потом перевел его на Григория. – Хотя я тебе больше скажу. Старая княгиня больно девок не любила, особенно молодых да пригожих. Сам-то князь великим умельцем был по задиранию юбок у горничных. И лишь только девку попользует, княгиня тут же про это прознает и велит проказницу к себе привести. Сначала что было сил по щекам нахлещет, а потом самолично до полусмерти плеткой отходит, а бывали случаи, что и забивала. Говорят, в подвале до сих пор стоны можно услышать... А еще рассказывают, в охотничьем домике, в верстах трех от усадьбы, у князя станок особый был. Привезут ему девку, что покрасивше, он ей руки-ноги, как в тиски, зажмет и давай отводить душу, пока совсем уж потом не изойдет. По неделе и боле так развлекался. Девок замертво увозили, а ему хоть бы хны! А домик этот до сей поры сохранился. И прозывается, представь себе, «Храм любви». Правда, местные его за версту обходят...

– О боже, мерзость какая! – Князь гневно посмотрел на приятеля. – Ты что, нарочно это имя подобрал? Считаешь, что мне по вкусу подобные дикости?

– Да нет же, – Аркадий, похоже, смутился. – Ты ведь хотел что-нибудь от столиц подальше. И чтобы лес был, и озеро, и охота. Здесь и лошадям твоим привольно будет. Завтра увидишь, какие тут луга замечательные. И потом, – он виновато улыбнулся, – ты, братец, забыл, что в России, куда ни кинь, везде подобные мерзости и непристойности. Скука и лень превращают людей в скотов. В провинции это очень заметно. Что хорошо – то и так хорошо, а что дурно – то всегда дурно...

– Ладно, не уговаривай, – усмехнулся князь, – я и похлеще мерзости видел, так что меня мало чем удивишь. Давай-ка лучше отведаем, что здешний повар приготовил. Судя по блюдам, придется его тоже в три шеи гнать за напрасный перевод провизии.

– Ну, это ты напрасно, – потер руки Аркадий, в душе очень довольный тем, что приятель не пожелал вдаваться в подробности забав бывших хозяев имения. – Эта стерлядь совсем даже не плоха на вид. И выбор вин, конечно, небольшой, но зато какой! Старуха была жадноватой, судя по всему, однако толк в винах знала.

Через час, покончив с поздним ужином, они устроились в низких креслах у камина, чтобы выкурить по толстой сигаре перед сном. Курить сигары Аркадий научился от Григория недавно и после этого совсем забросил трубку, считая ее пережитком старины.

Выпитое вино не только согрело, но и развязало языки.

– Ты это ладно сделал, Гриша, что ко мне за помощью обратился. – Дроздовский вытянул длинные ноги и пустил в потолок плотную струю дыма. – За десять лет ты уже подзабыл наши законы, поэтому ободрали бы тебя как липку, обжулили в первую же неделю и имение подсунули б непременно закладное...

– Не так уж я безвреден, каким ты меня представляешь, – усмехнулся князь, – я на своем веку со столькими проходимцами встречался, не чета нашим русским пройдохам. Просто хотелось скорее покинуть Петербург. По правде, я уже отвык от подобной слякоти, холодных ветров и туманов... Ты бы видел мою гасиенду, Аркаша. Райский уголок посреди дикой сельвы. Море цветов, пальмы... Попугайчики с ветки на ветку, точно наши воробьи, перелетают... – Григорий встал и прошелся взад-вперед по комнате. Остановился возле камина и некоторое время задумчиво смотрел на огонь. Затем поднял голову. – Но так захотелось вдруг русское небо увидеть, из родника русского воды напиток, хлеба ржаного отведать, капусты квашеной... Я ведь там, если признаться, пытался ананасы солить. Похоже получается, но капуста наша, огурцы... Это ж нечто особенное, а молоко топленое? Его ж только в русской печи можно так выпотить. А пенки с него какие сладкие! А варенец! Нет, Аркаша, только ради этого стоило семь тысяч верст киселя хлебать! Да и помирать нужно непременно на родной земле.

– О, *cher ami*, – протянул с веселым изумлением Аркадий, – да ты, оказывается, поэт? Откуда вдруг такая *nostalgie*? Неужто и вправду вздумал помирать во цвете лет? На тебя это вроде непохоже.

– Нет, помирать я пока не собираюсь, – сухо сказал Григорий и вернулся в свое кресло. Сцепив пальцы, он обхватил ими колени и внимательно посмотрел на приятеля. – Видишь ли, Аркаша, надумал я жениться. Пора уже обзаводиться наследником. Как ты полагаешь, это стоящая мысль?

Аркадий поперхнулся, закашлялся и принялся разгонять скопившийся возле лица дым. Потом отложил недокуренную сигару в пепельницу и только тогда произнес с искренним удивлением в голосе:

– Жениться? Неужто подыскал себе кого?

– Нет, не успел пока, – по-прежнему сухо ответил Григорий. – Поисками подходящей невесты займешься ты. Но учти, мне бы не хотелось иметь в женах стерву вроде княгини Завидовской, поэтому девица должна быть воспитанной, спокойной, рассудительной, неглупой, достаточно милой, а если еще красивой и неболтливой, то я тебе непременно выставлю пару дюжин шампанского за усердие.

– *C'est formidable! Cela me plait!*⁴ – расхохотался Дроздовский. – Только учти: из подобных робких девиц самые непотребные стервы и получают. Пожалуй, смотр надо начинать с маменек. Помнится, нянька мне говорила: хочешь выбрать себе жену, непременно на маменьку посмотри. Сразу поймешь, что вскорости в своей постели обнаружишь.

– Ладно, отбросим эти милые подробности, – поморщился князь и отхлебнул вина из бокала. – Скажи, есть ли у тебя на примете парочка-другая девиц, что проживают поблизости и страстно желают выскочить замуж? Учти: богатство роли не играет, но только уволь меня от поповен и купчих. Они после родов жутко толстеют.

– За кого ты меня принимаешь? – произнес рассеянно Аркадий. – Мы тебе непременно дворяночку найдем и с родословной не хуже, чем у твоего Мулата.

Глубокомысленно уставившись в камин, он принялся скептически хмыкать, морщить презрительно нос и смотреть сквозь князя туманным взором, делая всякий раз очередной глоток вина. Видимо, перебирал в памяти имена возможных невест, и, судя по количеству сделанных Аркадием глотков, недостатка в них не было.

Они помолчали некоторое время, ознаменовав затраченное на размышления время пустой бутылкой мадеры. Первым заговорил Аркадий. Повертев в руках потухшую сигару, он с сожалением произнес:

– Крепкая, зараза! Почтище деревенского самосада пробирает!

– Что ж ты, выходит, куривал деревенский самосад?

– *Rien du tout!*⁵ – усмехнулся Аркадий. – Только разок и попробовал. Мне лет десять было, когда сын нашей кухарки Секлети Колька предложил курнуть тютюну. Его у нас шнуровым прозвали, оттого что лист не ножом рубили, а шнуром резали. Самое, скажу тебе, бесовское зелье, хуже гремучей змеи. Но я про то позже узнал, а тогда по дурости пристроились мы за оранжереей, я только дыму глотнул и сразу же на землю – брык! Потом долго спина чесалась после маменькиных розог, а Колька полмесяца в камышах отсиживался, от возмездия спасался. Потом помиловали его, когда он лисицу отловил, что кур из птичника таскала. Хороший малый был Колька. Крепко мы с ним дружили, хотя он и старше года на три был. В доме с ним не разрешали играть, но во дворе, на скотном, на конюшне, на реке, в лесу сколько проказ мы с ним измыслили, за что нас и пороли нещадно... Сгинул бедолага в турецкой кампании лет этак пятнадцать назад... Еще под Измаилом. Ну, да ладно, мертвое – мертвым, живое –

⁴ Потрясающе! Меня это устраивает! (*фр.*)

⁵ Ничего подобного! (*фр.*)

живым. – Он повеселел взглядом и посмотрел на помрачневшего приятеля. – Не бойся, подберем мы тебе девицу, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Есть у меня на примете несколько славных семейств, завтра же начну предварительную разведку.

– Постой, – прервал его князь. Он вновь поднялся с кресла и, подойдя к окну, отдернул штору. Сквозь низкие тучи пробилась луна и залила цветники и ближние деревья мертвенно-свинцовым светом. Григорий некоторое время вглядывался в темноту, стараясь определить, в какой стороне находится озеро. И ему даже показалось, что глаза различают далекие огоньки на противоположном берегу, то ли деревни, то ли усадьбы. И память тут же, в долю секунды высветила вдруг изящную женскую фигурку, почти слившуюся с лошадей. Там, на холме, за которым она исчезла через мгновение. Он вздохнул и повторил уже более устало:

– Постой, время еще терпит. Надо поначалу познакомиться с делами в имении. А то видел, у лакеев сквозь ливреи локти светятся. У Елистрата лаковые сапоги, а пальцы наружу торчат.

– Да это не от бедности, а по недомыслию, – поморщился Аркадий. – Молодой князь лет десять, если не больше, в имении не появлялся. Заправляла всем его старшая сестра Людмила, тут ее все Милушей звали. В детстве она со стула упала и осталась на всю жизнь горбатой. А в прошлом году она от лихорадки померла, вот и осталось имение бесхозным. Братец ее морским атташе служит в Испании, там же и женился, чуть ли не на самой племяннице короля. Он и так богат, как Крез, зачем ему лишние хлопоты? Вот и решил по этой причине от имени избавиться.

– Это я уже слышал, – проговорил недовольно Григорий. – А что ж соседи? Такой лакомый кусок, по твоим словам, а упустили!

– Я им просто свободы маневра не позволил, – проговорил хвастливо Аркадий. – Да и желающих было – раз-два и обчелся. Вернее, всего один покупатель. Графиня Измestьева. Ну, та самая! – кивнул он головой в сторону окна. – Представляешь, как она сейчас бесится! Я ведь ей сделку расстроил!

– Ей что, своих земель мало?

– Кто же ее знает? У нее тут поблизости еще две деревни имеются. В одной, в Матурихе, у нее каменные скотные дворы, а земли не обрабатываются, поэтому отличные условия для летних выпасов. Я в конце апреля, когда купчую на имение оформлял, видел, как ее скот выводили на выпаса. Прямо целое представление получилось. Коровы режут на все голоса, свиньи на телегах визжат, пастухи кнутами щелкают, скотницы орут истошно... Думаю, осенью, когда назад возвращаться будут, вдосталь потешимся над подобным folie.⁶

– А тебе это folie каким образом удалось лицезреть? Или сквозь кордоны сумел проскользнуть?

– Почему же? – улыбнулся Дроздовский. – Я забыл сказать: по границе твоего имения идет дорога, которая по бумагам всегда принадлежала Завидовским, но по обоюдному согласию испокон века ею пользуются Измestьевы. И в благодарность исправно ее подсыпают галькой, песком... Так что на деле дорога хоть и твоя, но теперь об этом мало кто помнит. И графиня в первую очередь.

– Что ж, она по этой дороге верхами катается? – спросил сквозь зубы Григорий и торопливо отвел глаза, чтобы приятель не заметил вспыхнувший в них интерес. Но кого он собрался провести? Шельму, каких свет не видывал?

– Э, братец мой! – весьма ехидно воскликнул Аркадий. Похоже, он и понятия не имел о деликатности. А может, и нарочно ею пренебрег, зная из личного опыта: ходить вокруг да около – удел зеленых юнцов да неоперившихся барышень. – Неужто успел разглядеть вдовушку? И как она тебе? По мне, так очень даже хороша, чертовка! – Он мечтательно закатил глаза. – С

⁶ Сумасшествие (фр.).

этой бы соседкой да закатиться в «Храм любви» на пару дней. – И вновь с ухмылкой посмотрел на князя. – Представляешь, каково ей без мужской ласки и внимания? Считай, лет восемь уже прошло, как князь с лошади скovyрнулся. Небось ночью подушку зубами рвет и рыдает, как любая простая баба, а днем бесится и лютует без меры. И никому невдомек, чего ей на самом деле не хватает. Может, попробуешь вернуть графине интерес к жизни? С вдовушками ведь не возбраняется грешить, да и благое дело совершишь. И себе в удовольствие, и соседям в радость, если укротишь эту строптивицу.

– Прекрати зубоскалить! – произнес недовольно князь и взглянул на каминные часы. – Ого, уже второй час ночи. Давай-ка, Аркаша, отправляться спать, если хотим проснуться с рассветом.

– Пошли, – согласился Аркадий, но отметил для себя, что на его разглагольствования князь не рассердился, а просто уклонился от ответа. Вывод напрашивался сам собой, но Дроздовский решил не торопить события. По прежнему опыту он знал, что первейший способ навредить делу – уподобить себя сметающей все на своем пути боевой колеснице.

Глава 3

– Ксения, что случилось? – Наталья обеспокоенно посмотрела на младшую сестру. – Что с твоим лицом и платьем?

Ксения сморщила нос, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Павлик залез на березу и ни в какую не хотел спускаться вниз. Вот пришлось ему помогать... – Она подтянула сползший с плеча разорванный рукав платья и все-таки не выдержала, рассмеялась. – Нижняя ветка обломилась, и мы шлепнулись прямо в грязь.

Наталья уставилась на нее с недовольным видом:

– Надеюсь, с Павликом ничего не случилось?

– Если не считать порванных штанов и царапины на руке. Сейчас он в детской. Марфуша пытается его отмыть и починить ему штаны.

– Ума не приложу, что с ним делать? – вздохнула Наталья. – Ни дня не обходится без проказ. Мне не хочется его наказывать, но, кажется, пришла пора взяться за розги.

– Этим ты ничего не добьешься, Таша, – покачала головой Ксения. – Павлик – мальчик, и мужское постоянно берет в нем верх. Ему хочется бегать, прыгать, драться с мальчишками, скакать верхом, и если ты начнешь его наказывать, все равно он не избавится от своего желания.

– Опять ты за старое, Ксюша? – рассердилась Наталья. – Ты хочешь, чтобы он превратился в грубое, потное животное, курил этот отвратительный табак, играл в карты и напивался до бесчувствия?

– Я не хочу, чтобы по твоей воле он превратился в кисейную барышню.

– Павлик – мой сын, и я сама решаю, каким он должен вырасти. – Наталья окинула сестру сердитым взглядом. – Иди переоденься и не смей больше указывать, как мне воспитывать собственного сына.

Ксения укоризненно посмотрела на нее:

– Ты пытаешься вырастить из него цветок, но в конце концов из него получится чертополох, о который можно очень сильно уколоться, Таша. Помяни мое слово.

– Не пугай меня! Я не хуже твоего знаю, что может получиться из Павлика, если не заниматься его воспитанием. Но *каким* образом добиться его послушания – решать мне, а не тебе! – Наталья нервно ударила плеткой по ладони. – Ладно, ступай. Мне тоже надо переодеться. Встретимся за ужином. А с Павликом я поговорю перед сном. Тебе больше не придется снимать его с деревьев. И я, пожалуй, разрешу вам выезжать за территорию усадьбы, правда, пока только на коляске. А если он перестанет озорничать, позволю кататься верхом. Но при условии, что ты, – она строго посмотрела на сестру, – перестанешь покрывать и защищать его проказы.

Через час они встретились за ужином, и Ксения отметила, что сестра едва притронулась к еде. Прделки Павлика ни в коей мере не влияли на аппетит его матери, и Ксения отважилась спросить:

– Наташа, что случилось? Ты почти ничего не съела, а повара сегодня по-особому старались. Твой любимый паштет и...

Наталья оттолкнула от себя серебряное блюдо с паштетом из гусиной печени, которое всегда ставили рядом с ней, и недовольно посмотрела на сестру.

– В наблюдательности тебе не откажешь. – Она вытерла губы салфеткой и бросила ее в руки стоящему справа лакею. – Ты права, я действительно огорчена.

Она помолчала мгновение, устремив взгляд в сторону стеклянных дверей столовой, из которых просматривалась зеркальная гладь озера. В этот вечерний час, когда солнце вот-вот коснется горизонта, все вокруг словно замерло в ожидании ночи, притихло, затаилось... Дож-

девые тучи уползли за холмы, умерил свой пыл ветер, присмирели и улеглись волны, лишь одинокая птица изредка вскрикивала в глубине парка, тоскливо и протяжно, как и подобает одинокой птице.

Младшая сестра выжидательно смотрела на старшую, и та с явной неохотой пояснила причину своего дурного настроения:

– Сегодня в Завидово прибыл новый хозяин.

– Ты его видела? – быстро спросила Ксения.

– У меня нет в том нужды и желания, – сухо ответила Наталья. – По мне, вообще бы с ним не встречаться. Но, боюсь, без этого не обойтись. – Она тяжело вздохнула, взяла в руку бокал с вином, однако, сделав маленький глоток, с еще более тяжким вздохом отставила его в сторону. – Думаю, кончились для нас спокойные времена, Ксюша. Судя по обозу, князь намерен жить на широкую ногу и пользоваться всеми радостями жизни. Я заметила несколько фур с лошадьми, а из нескольких кибиток раздавался лай собак. Наверняка он любитель псовой охоты, так что повода для радости нет никакого.

– Как ты думаешь, он молод? – Ксения покраснела. – То есть я хотела сказать, может, он слишком стар и ты напрасно опасаясь?

– Меня не интересует его возраст, – произнесла Наталья сухо и посмотрела на младшую сестру с укоризной. – Пусть бы его лучше скрючило от подагры, тогда уж точно не стал бы носиться по полям за облезлыми лисами и тощими зайцами. Но я повторяю: если судить по его обозу и карете, до старости ему еще далеко.

Ксения быстро перекрестилась и виновато посмотрела на сестру.

– Не сердись, Таша, но нельзя желать зла ближнему в угоду собственному спокойствию. Возможно, следует познакомиться с князем...

– Я никогда и никому не желаю зла, – произнесла сквозь зубы Наталья и сердито хлопнула ладонью по столу. – Но и потворствовать кому-то в глупейших забавах не собираюсь. С сегодняшнего дня удвою, нет, утрою охрану на всех дорогах и проселках, чтобы даже мышь не проскочила, а не то что князь с ордой своих собутыльников. И не перечь мне! – сверкнула она глазами на пытавшуюся открыть рот Ксению. – Я не потерплю, чтобы мои земли топтало это гнусное и подлое отродье, пусть оно будет даже самых что ни есть голубых кровей! И стараюсь я единственно ради Павлика и твоего благополучия. Пойми, я не хочу, чтобы ты прошла сквозь те унижения и издевательства, которые мне пришлось пережить в замужестве.

– Но ведь не все мужчины такие, как твой Федор!

– Откуда ты знаешь? – Наталья посмотрела на нее с презрением. – Мужчины – отвратительные свиньи! Ради удовлетворения своей похоти они готовы на любую низость. Это совершенно никчемные негодяи, чье вождение не знает границ! Вонючие, потные создания с липкими руками и слюнявыми губами! – Наталья брезгливо сморщилась и прикрыла нос надутым платочком. – Давай прекратим эти разговоры, та bonne, иначе мне станет дурно!

Она поднялась из-за стола и направилась к дверям, выходящим на террасу, с которой открывался удивительный по красоте вид на озеро.

– Посмотри, Ксюша! – Наталья даже не повернула головы в сторону младшей сестры. Она и без того знала, что та не посмеет уйти без ее позволения. – Какой чудесный закат! Завтра наверняка окончательно распогодится. Я думаю до обеда побывать в Матурихе. Сегодня управляющий сказал, что один из племенных быков занемог. Надо будет решить, что с ним делать дальше, а вы с Павликом после завтрака отправляйтесь погулять. Я велю Антипу заложить коляску, только не уезжайте далеко от усадьбы. Возьми с собой Марфушу. Девка она ловкая и быстрая. Павлику от нее не сбежать. И охрану возьми. Егора или Семена. А лучше сразу двоих. Так мне спокойнее будет.

– Наташа, – сказала тихо Ксения, – ну зачем подобные предосторожности? Можно подумать, что на нас то ли янычары нападут, то ли разбойники в плен возьмут.

– Я знаю, что делаю, и не спорь со мной!

Ксения заметила, как забила жилка на виске у сестры, первый признак надвигающейся ярости, и поспешила перевести разговор в другое русло.

– Как ты считаешь, Таша, может, нам прекратить на летнее время занятия чтением и арифметикой? Мне кажется, что Павлику нужно гораздо чаще бывать на воздухе, в лесу... Егор мог бы покатасть нас на лодке по озеру, поучить его ловить рыбу...

– Оставь это! – Наталья крайне недовольно посмотрела на сестру. – Я сама буду решать, чему нужно и чему не нужно учиться моему сыну.

– Конечно, конечно, Таша, – Ксения покачала головой, – он прекрасно вышивает, рисует акварелью, изучает греческий, латынь, поет душещипательные песенки по-французски и итальянски и даже смирился с тем, что ему каждое утро завивают волосы. Но если б ты знала, как он все это ненавидит!

– Не преувеличивай! – оборвала ее Наталья. – Он еще слишком мал, чтобы понимать пользу того, что я делаю для него.

– Ты была чуть старше, Таша, когда всю нянчилась со мной, а после смерти маменьки ты вела наше хозяйство. И, как мне помнится, неплохо с этим справлялась.

– У Павлика нет надобности в девять лет вести хозяйство, для этого у меня хватает дворни. – Наталья высокомерно посмотрела на младшую сестру. – Можешь прогуляться перед сном, чтобы выветрить все эти глупости из своей головы, но не дальше беседки. Я приказала выпустить собак на ночь.

Ксения вздохнула:

– Нет, я посижу немного на террасе, а потом пойду в библиотеку и прочитаю перед сном. Собаки всю ночь лают, и я долго не могу заснуть...

– Ну, как хочешь! – пожалала плечами Наталья и удалилась, оставив сестру на террасе.

Ксения опустилась на деревянный диван и провела некоторое время в одиночестве. Вскоре она различила слабый шорох по другую сторону высоких перил, отделяющих террасу от зарослей недавно отцветшей сирени.

– Ты, Марфуша? – спросила она шепотом и, не дожидаясь ответа, протянула руку маленькой шустрой девушке в пестром сарафане, которая ловко перебралась через перила и прыгнула на террасу.

– Я, барышня, я, – прошептала, слегка задыхаясь, Марфуша, горничная и первейшая подруга Ксении. Причем об этой последней роли Наталья не догадывалась, а девушки старались держать в тайне от чрезмерно строгой барыни свои дружеские отношения.

– Узнала что-нибудь? – прошептала не менее торопливо Ксения и испуганно оглянулась на чернеющие за спиной двери в столовую.

– Все, все прознала, барышня! – Марфуша почти прильнула к ее уху. – Евсей, как приказывали, поспрошал у ихнего старшего конюха, что к чему. И тот все обсказал, что ему самому известно... – Девушка смущенно хихикнула. – Только Евсейка, окромя вашего пятака, с меня тоже плату затребовал. Говорит, поцелуй в уста, а то ни в жисть ничего не узнаешь.

– И что ж, поцеловала?

Марфуша в деланом смущении отвела глаза.

– Пришлось, барышня, ведь он, идол проклятый, если сказал, что не скажет, то и правду не скажет, даже на дыбе молчать будет.

– Ну и как, сладко?

– Ой, сладко, барышня, дюже сладко! – Марфуша почти уткнулась носом в ее ухо и едва слышно прошептала: – Он потом меня на сеновал звал, но это уж совсем баловство! Я пригрозила ему, что непременно вам пожалуюсь, а он... он...

Девушка покраснела и отвернулась. Ксения взяла ее за подбородок и развернула к себе лицом.

– И что же он?

Марфуша закрыла лицо руками и смущенно выпалила:

– А он, собачий сын, заржал, что тот жеребец, и говорит, его, дескать, и на барышню, то есть на вас, хватит, конечно, если попросите. А то ему жалко, что такая краса на корню засыхает.

– Твой Евсей дождется, что я самолично отгаскаю его за чуб или прикажу конюху солеными розгами по одному месту отходить. Тогда посмотрим, чья красота раньше времени засохнет.

– Да ну его, охальника! – махнула рукой Марфуша. – Лучше слушайте, чего я вам скажу...

Прижавшись друг к другу, девушки некоторое время о чем-то возбужденно шептались, изредка смущенно пересмеивались, а то вдруг прыскали в ладонь или, забывшись, принимались смеяться во весь голос, но тут же спохватывались, испуганно озирались по сторонам и опять переходили на шепот.

– Вот и все, что Евсейка сумел узнать, – Марфуша весело подмигнула Ксении. – Особливо, говорит, второй барин, приятель князя, ему показался. Резвый и веселый, а красавец из себя, каких поискать! Князь тоже ничего из себя, но суров и молчалив, верно, как ваша сестрица, барышня?

– Ну, ты и придумала, – рассмеялась Ксения, – нашла с кем Наташу сравнить! Он небось усадый да бородатый?

– Насчет бороды не ведаю, про то Евсей не сказывал. Усы, говорит, у князя есть, а у второго барина напрочь отсутствуют. Без усов-то, барышня, лучше, не колются, стало быть, когда целуешься! – Марфуша мечтательно закатила глаза, но не выдержала и прыснула в ладонь. – У Евсейки что усы, что борода, как щетина у кабана, жесткие да колкие.

– Так не водись с ним, раз уколется боишься.

– Так люб же он мне, барышня, хотя и варнак, каких еще поискать, – протянула жалобно Марфуша и сконфуженно улынулась. – Он меня сватать по осени хочет, ежели, конечно, барыня позволит. – Девушка с мольбой посмотрела на Ксению. – Как вы полагаете, не будет она противиться, если я за кузнеца пойду?

– Я попробую с ней поговорить заранее, конечно, если твой Евсей за ум возьмется. Наташа уже сама думала о том, чтобы женить его поскорее, а то слишком много воли ему дали, избаловался, нахальничает, насмешничает без меры.

– Непременно поговорите, барышня, непременно! – всполошилась Марфуша. – А то подберет ему барыня в наказание вдову с кучей детишек, а мне что ж, топиться тогда в озере?

– Ну, уж так сразу и топиться? – Ксения дернула подругу за косу. – Будто на твоём Евсее свет клином сошелся.

Марфуша сердито фыркнула и, освободив косу, перекинула ее на грудь.

– Когда сами полюбите, поймете, что значит сохнуть по дружку, на свиданки тайные к нему бегать... – Она порывисто вздохнула и обняла Ксению. – А как за руку-то друг сердешный возьмет, как в глаза глянет, про все на свете забудешь, за ним хоть на край свет пойдешь!

– Прямо-таки на край света? – рассмеялась Ксения.

– А вот посмотрим, барышня, что вы запоете, когда голову потеряете. И чуёт мое сердце, не уйти вам от этого, ни за что не уйти! Больно уж приятель у князя хорош! Голубоглазый, кудрявый! Евсей говорит, огонь, а не барин! И посмеяться всласть любит, как и вы, барышня! Вот бы вам познакомиться!

– Да куда уж мне! – вздохнула Ксения. – Наташа не позволит...

– А мы ей и докладывать не будем, – торопливо зашептала Марфуша, не забывая ози- раться по сторонам. – Завтра вроде вам позволено за ограду выехать?

– Позволено! – выдохнула Ксения. – Наташа в Матуриху на выпаса отправляется, так что до обеда ее не будет.

– А Евсей сказывал, князь с утра собирался объезжать свои земли, авось свидитесь и с ним, и с его приятелем. Семка нас в то место отвезет, где дорога недалеко от озера проходит. Там, правда, к воде не подъедешь, болота вокруг, но поляны очень уж красивые. Ромашки вовсю цветут, белоголовник... А барыне скажем, что решили цветов в комнаты набрать.

– Ты просто прелесть, Марфуша! – Ксения захлопала в ладоши. – А если они не посмеют к нам приблизиться? Ведь они наверняка уже знают, что Наташа не позволяет на ее землях появляться.

– Ну, коли спужаются, то это их дело! Но смотреть-то им не запретишь? Думаю, они непременно вас заметят. Грех такую красоту не заметить! – Марфуша окинула Ксению придирчивым взглядом. – Платье свое голубое непременно наденьте и шляпку с лентами, ту, что из Парижу привезли...

– Зря ты, Марфуша! Платье это больше для бала подходит, чем для прогулки.

– А зачем его беречь, если барыня балы вовсе не проводит? – вполне резонно удивилась Марфуша.

– А как я объясню Наташе, зачем вырядилась в это платье?

– Так она ж ничего не проведает. Мы успеем вернуться до ее приезда из Матурихи.

– Но мне очень стыдно, – опять засомневалась Ксения, – они могут понять, что мы их нарочно дожидаемся. Это же неприлично! И не дай бог Наташа узнает!

– Опять вы всего боитесь, барышня! – рассердилась Марфуша. – Смотрите, так и просидите всю жизнь в девках в угоду своей сестрице. А она тоже хороша! Обожглась на молоке, теперь на воду дует. И вам никакой жизни не дает!

– Я не могу пойти против ее воли, – вздохнула Ксения, – потому что у меня нет ни копейки, а кому нужна бесприданница?

Марфуша недовольно фыркнула:

– Решайтесь, барышня, пока не поздно! За погляд на новых соседей никто с вас денег не возьмет. А случай этот упускать нельзя. Барышень в округе полно, а женихов приличных не хватает. Князь и охнуть не успеет, как окажется под венцом. А его приятеля наверняка еще раньше окрутят. Так что не зевайте, а то пожалеете.

– Хорошо, уговорила! – произнесла Ксения обреченно и перекрестилась.

Глава 4

Василий Ефимович Караваев не был красавцем. Очень плотный, круглолицый, он обладал двойным подбородком и красноватым, похожим на картофелину носом. К тому же он всячески пытался замаскировать лысину, зачесывая волосы на лоб, но это получалось у него не слишком удачно.

Судя по всему, он пытался выдавать себя за местного dandy, но с еще меньшим успехом. Сшитый по последней столичной моде сюртук с широкими отворотами и двумя рядами блестящих пуговиц вкупе с узкими панталонами делали его фигуру еще шире и массивнее. Наверняка здесь не обошлось без корсета из китового уса, с помощью которого Караваеву удалось втиснуться в сюртук, обтянувший его спину настолько, что Григорию невольно пришлось в голову сравнение с немецкой колбаской.

Князь поднялся, когда сосед Караваев в сопровождении Дроздовского вошел к нему в кабинет. И хотя неожиданный визитер отвлек Григория от неотложных дел, тем не менее он предложил ему присесть и попросил Аркадия распорядиться, чтобы подали вина.

Караваев с трудом втиснулся в кресло. Лицо его побагровело, он через силу улыбнулся князю, и Григорий подумал, что его подозрения насчет корсета не лишены основания.

– Очень рад, очень рад! – Караваев прижал руку к сердцу и слегка склонил голову. – Мне только вчера сообщили, что в Завидове уже три дня новый хозяин. Простите великодушно за ранний визит, но, видит бог, я едва дождался утра. Не терпелось засвидетельствовать свое почтение.

– Весьма приятно с вами познакомиться! – любезно произнес Григорий и улыбнулся. – Поверьте, я не рассчитывал на столь пристальный интерес к моей персоне, Василий Ефимович.

Караваев слегка поерзал в кресле, пытаясь устроиться с большим комфортом, с трудом перевел дыхание и с наименьшей любезностью ответил:

– Только жизнь в нашей глуши заставляет по-настоящему осознать, что существование человека немислимо без общения, дружеских бесед и философских споров по поводу важных исторических, так сказать, эпохальных моментов, ибо... – он поднял вверх толстый короткий палец и многозначительно посмотрел на князя, – ибо обустройство и законы Российского государства...

Григорий хмыкнул про себя. Не хватало ему в соседях доморощенного философа, которого хлебом не корми, а дай поразглагольствовать на темы, столь же пустые, как и его голова.

– Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами, – очень учтиво вклинился князь в рассуждения гостя и, не дожидаясь ответа, приказал лакею: – Приготовь третий прибор для его милости.

– Право слово, не стоит беспокоиться, ваша светлость, – Караваев суетливо замахал руками. – Я сегодня встал спозаранку и уже успел позавтракать. Глазунья с ветчиной да пара чашек кофия со сливками... М-да, после утренней прогулки подобная пища идет за милую душу!

– Мы с князем тоже успели прогуляться, – возвестил с порога Аркадий, – еще по росе. Проехались вдоль озера, комаров накормили всласть, аппетит приличный нагуляли. – Он засмеялся и подмигнул князю. – Прямо-таки зверский аппетит! – И радостно потер ладони. – Стол накрыт, господа! Приступаем к трапезе...

После завтрака они направились в библиотеку, где выпили по бокалу вина, выкурили по сигаре и весьма приятно провели время, обсуждая местные новости, поразительно смахивающие на сплетни. Но, судя по огоньку, горевшему в его глазах, Караваев искренне верил, что все истории о жизни уездного общества, которые он поведал князю и его приятелю, – суцая правда и не подлежат ни малейшему сомнению. И, как заметил Григорий, Василий Ефимович

намеренно или нет, но ни разу в своих рассказах не упомянул имени графини Измestьевой. А ведь ее эпатажное поведение и ссоры с соседями просто обязаны вызвать у них негодование и естественный поток слухов и домыслов.

– А что ж вы умалчиваете насчет хорошеньких женщин? – словно прочитав его мысли, с укоризной проговорил Аркадий. – Есть тут птички, способные скрасить одинокую жизнь двух холостяков? А как насчет молодых вдовушек и девиц на выданье? Все ли разобраны на сей момент или есть еще не просватанные?

Караваев пожал плечами и неожиданно сухо сказал:

– По правде, меня больше интересует тезис Руссо о том, что прежде должно учинить свободной душу, а потом уже тело. К тому же я занят составлением записки на имя императора, в которой пытаюсь изложить свои взгляды на положение, которое сложилось в Российском государстве за последние годы.

– И что ж вас подвигло на сей замечательный труд? – с едва заметной иронией спросил Григорий. Но Караваев иронии не заметил, потому что с еще большим пылом стал объяснять суть своих занятий:

– Я понимаю, что не в моих силах убедить государя отменить Табель о рангах. При Петре Алексеевиче она была необходима, тогда дворян просто-напросто не хватало ни для службы в армии, ни во флоте, ни в канцелярии, но сейчас надобность в ней отпала. И я в меру своих сил пытаюсь объяснить, что негоже раздавать дворянские дипломы налево и направо, тем более купцам и подрядчикам. Кроме корысти и пронырства, они ничего более в дворянское сословие не приносят.

– Вполне с вами согласен, – с готовностью закивал головой Аркадий, – эти новоявленные господа, первейшие казнокрады и издоимцы, достойны прежде всего не дворянского звания, а виселицы. Сейчас в дворяне метит всякий разночинец, а мы потом удивляемся, откуда вдруг в обществе пышным цветом расцветают лесть, лицемерие, подхалимство, подлость.

– Вы абсолютно правы, – обрадовался поддержке Караваев, – наше дворянство вместе с привилегиями утратило былое значение в обществе. Будь моя воля, я б немедля изгнал из него всех, кто получил диплом благодаря Табели о рангах, и расширил бы права столбовых дворян.

– Поразительно! – воскликнул Аркадий и незаметно подмигнул князю. И Григорий понял, что его неугомонный друг откровенно забавляется над доморощенным мыслителем, осмелившимся поучать самого государя. – А каковы ваши воззрения по крестьянскому вопросу?

– Я полностью поддерживаю идеи господина Щербатова.⁷ Освобождение крестьян, по моему мнению, повлечет за собой множество невзгод. Я всю жизнь прожил в деревне и точно знаю: свобода нашим мужичкам только во вред. Без присмотра помещика они обленятся, забросят хлебопашество, займутся разбоем, даже детей перестанут рожать, потому что будут заниматься пьянством и развратом, вместо того чтобы заводить семьи. К тому же это приведет к разорению дворянства. Государство станет слабее, ибо разорившиеся дворяне утратят значение его надежной опоры.

– Воистину так! – с пафосом воскликнул Аркадий и воздел руки к небу. – Оставим крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий. – Он хитро прищурился. – Но все ж таки вам не уйти от ответа, достопочтенный сударь Василий Ефимович. Почему вы замалчиваете сей немаловажный факт, что по соседству с нами проживает очаровательная женщина – графиня Измestьева. Молодая вдова и к тому же весьма богатая...

– Простите, сударь, – побагровел Каратаев, – сия особа нисколько меня не интересует, потому что истинная самодурка, местная Салтычиха! Надеюсь, господа, вы слышали об этой

⁷ М. М. Щербатов – идеолог консервативного дворянства, сторонник монархизма и сохранения крепостного права.

мерзкой помещице, которую матушка Екатерина велела примерно наказать за творимые безобразия? Хотя что скрывать, – Караваев вздохнул, – покойная княгиня Мария Васильевна тоже в ангелах не числилась, во всей округе ее побаивались. Но и уважали. Она единственная в уезде держала открытый стол и отличалась особым хлебосольством. – Караваев сердито прищурился. – Но и она не жаловала Измestьеву, хотя дружила с ее свекровью. А после смерти графа Федора между ними начались истинные баталии, причем графиня Наталья, – он слегка понизил голос и оглянулся на окна, – в глаза назвала Марию Васильевну старой клячей. Я присутствовал при их ссоре, – Караваев прижал руку к сердцу и трагически закатил глаза, – и, спрашивается, из-за чего? Вы не поверите, но всего лишь из-за десятка бревен, которые крестьяне Завидовских умыкнули с делянки на землях Измestьевой. Конечно, я тоже против воровства, но не пристало из-за подобного пустяка доводить старую княгиню до обморока.

– Выходит, у вас нет личных причин обижаться на графиню Измestьеву? – Григорий кивнул лакею, чтобы наполнил бокалы вином. – Очевидно, вы испытываете сострадание к своим бывшим соседям, с которыми графиня Измestьева обращалась столь nepозволительно?

– Это само собой, – буркнул Караваев и отвел взгляд в сторону. – Но есть еще одна причина, из-за которой я на дух не переношу графиню. – Он окинул князя и Дроздовского несколько смущенным взглядом. – В прошлом году, знаете ли, я пытался посвататься к ее младшей сестре Ксении, очень милой, скажу я вам, господа, барышне. Но она полностью находится под влиянием своей деспотичной сестры. Вы представить себе не можете – Ксении nepозволительно покидать пределы усадьбы. Княгиня определила ее в гувернантки маленького графа и вполне довольна подобным положением вещей.

– У графини есть сын? – Приятели переглянулись.

– А что ж ему не быть? Замужем она побывала, хотя и за никчемным графом Федором. И дите родила в сроки, через девять месяцев после свадьбы. Хотя поговаривают, что в последнее время перед гибелью графа они спали в разных постелях.

– Выходит, Ксения вам отказала под влиянием своей сестры? – Аркадий ловко вернул Караваева к интересующей его теме.

– Я думаю, что она даже не знает, что кто-то пытался ее сватать. Сторожа графини никоим образом не позволили мне заехать на ее земли. И когда я отправил послание на ее имя с изложением цели визита, то она заставила меня унижительно долго ждать ответа. Его вручили мне лишь через четыре часа, которые я провел в коляске под палящим солнцем. И знаете, что она соизволила написать поверх моего же послания? – Караваев страдальчески скривился. – «Ужо тебе, бездельник!» Причем вкривь и вкось, словно ее падучая трясла в то время.

«Вернее всего, ее трясло от смеха», – отчего-то подумалось Григорию. Несмотря на столь неллицеприятный отзыв Караваева об их общей соседке, внутренний голос подсказывал князю, что все эти мелочи, частные подробности, а также излишнее негодование рассказчика только мешают обрести ему единое восприятие образа сварливой и деспотичной помещицы, какой, возможно, и являлась графиня Наталья Измestьева.

Григорий отхлебнул вина из бокала, но оно показалось ему слишком терпким, и он отставил его в сторону. Затем решительно поднялся из кресла.

– Очень приятно было познакомиться с вами, Василий Ефимович. – Он пожал руку Караваева. – Надеюсь, эта встреча не последняя и вы осчастливите нас своими визитами неоднократно. Думаю, что у нас найдется много общих тем для разговоров. А сейчас, – он развел руками, – дела зовут. Солнце уже высоко, а я хотел до ужина проехать по полям, посмотреть, в каком состоянии озимые и яровые после столь обильных дождей и ветров.

– Беда наша не только дожди, но и поздние заморозки, однако в этом году бог миловал. – Караваев перекрестился. – Пшеница хорошо в рост пошла, рожь тоже не подкачала, да и овсы нынче замечательные. Лишь бы засуха не ударила в июле. В прошлом году так оно и случилось. Едва половину прежних урожаев собрали. – И, утерев обильный пот, выступивший у него даже

на щеках, предложил: – Если желаете, князь, могу составить вам компанию в поездке по вашим владениям. Думаю, вам потребуются некоторые пояснения по ходу осмотра посевов. Прежде я не раз оказывал помощь Марии Васильевне своими советами. И поверьте, она нисколько ими не гнушалась, не то что эта выскочка. – Он гневно сверкнул очами в сторону озера, и Григорий понял, что под «выскочкой», несомненно, подразумевается графиня Измestьева.

– Она, что ж, из бедных? – внезапно пришла ему на ум догадка.

Караваев презрительно сморщился:

– Мало сказано, ваша светлость! Не просто из бедных, а истинно – голь перекатная! Отец у нее хоть из родовитого сословия, но окончательно спился, подлец, и, говорят, побоями довел собственную жену до могилы. Впрочем, по слухам, когда-то он был очень богат, чрезвычайно красив собой, но низкие страсти довели его до разорения. Мария Васильевна рассказывала, что старая графиня привезла будущую свою невестку в единственном более-менее приличном платье. Нужно отдать должное благородству графов Измestьевых. Они не сдали малютку Ксению после смерти отца в сиротский приют, а позволили проживать в своем доме под приглядом старшей сестры...

За разговором они вышли на крыльцо, куда уже подали коляску Караваева. Василий Ефимович с помощью кучера с трудом взгромоздился на сиденье. Аркадий устроился рядом с ним. Григорий же решил ехать верхом, чтобы дать размяться застоявшемуся Мулату.

Покинув усадьбу, они миновали березовую рощу и выехали на проселочную дорогу, ведущую к полям. В небе неумолчно заливались жаворонки, и, подняв голову к бесцветному от жары небу, можно было заметить в вышине крошечное трепещущее создание, издающее столь приятные для уха звуки. Из-под ног лошадей порскали во все стороны кузнечики и прочая стрекочущая и прыгающая живность. Горьковатые запахи полыни перебивали медвяные ароматы цветущего донника, заполонившего вперемешку с чистотелом и мятой обочины дороги и опушку ближнего леса.

Первым прервал молчание Дроздовский, и Григорий понял, что его приятель не на шутку заинтересовался событиями, происходящими по соседству.

– Но чем вызван подобный выбор супруги для графа Федора? Неужто с деньгами и влиянием Измestьевых в обществе нельзя было найти более подходящую партию?

– Я точно не знаю, чем это на самом деле объясняется, – смутился Караваев и пожал плечами, – но, насколько помню, так оно поначалу и замышлялось. Граф перебрал пару дюжин девиц благороднейшего происхождения и с приличным приданым и ни на одной не остановил свой выбор. А после смерти отца вовсе удалился в деревню и перестал выезжать в свет. Окружил себя сомнительными молодыми людьми. Вел праздную жизнь, делами имения не интересовался. Более всего любил играть на арфе и курить опиум. Этому его научил один из приятелей, который служил какое-то время на Востоке. – Он оглянулся по сторонам. – Скорее всего, и, кажется, Мария Васильевна говорила о чем-то подобном, старая графиня решила примерно наказать сына за чрезмерную разборчивость. После смерти мужа она быстро одряхлела и понимала, что граф Федор пустит прахом состояние семьи в случае ее смерти. Единственным достоинством новоявленной супруги была ее несравненная красота, но и это не мешало Федору исправно ее поколачивать. Но после смерти графини и рождения наследника Наталью словно подменили. Рассказывают, когда Федор в очередной раз схватился за плетку, чтобы поучить ее, она запустила в него блюдом с жареным поросенком. В тот раз ей от него тоже прилично досталось, но тем не менее даже после этого она всякий раз старалась дать ему сдачи. Вы знаете историю, после которой граф Федор охромел?

– Кажется, она вытолкала его из окна? – засмеялся Аркадий.

– Представьте себе, вот так взяла и вытолкала. И когда Федор погиб, она даже не старалась скрыть радость, что избавилась от него. По крайней мере, уже на следующий день после его похорон она разогнала всех его приятелей и приживалов.

– Что ж, видно, изрядно они ей досадили. – Григорий пришпорил коня и первым выехал на лесную дорогу, убегавшую через молодой березняк к озеру, чья водная гладь просматривалась сквозь нежную еще листву. – Это и есть та дорога, что отделяет два поместья, мое и Измесьевых? – спросил он у Караваева.

– Истинно так, – ответил Василий Ефимович и, отдуваясь, снял шляпу и вытер лицо и шею большим носовым платком. – Кажется, погода на жару повернула. Или дождь к вечеру соберется. Парит сегодня, прямо спасу нет.

– А что, может, искупаться попробуем? – подал голос Аркадий. Он тоже раскраснелся от неожиданной духоты и, растянувшись на сиденье, расстегнул сюртук и лениво обмахивался шляпой.

– Купаться вам никоим образом не советую, – обратил укоризненный взгляд на Аркадия Караваев. – Вода еще холодная, да и купальня давно разрушилась, мостки прогнили и завалились.

– Что ж, и лодок даже не осталось? – поразился Аркадий. – А я собирался по озеру пройтись.

– Лодки тоже прогнили. В последнее время их даже зимой на берег не вытаскивали, не говоря уже о том, чтоб под навес какой упрятать. Затонули они по весне, когда дожди были сильные. Вода в озере поднялась, даже за дорогу перехлестывало. Крестьяне из Измесьева на своих лодках чуть ли не к вашей усадьбе подплывали. Пока Завидово без хозяина стояло, они себя тут вольготно вели, всюю в ваших угодьях шалили. – Караваев с упоением ябедничал на соседку. Как и все трусливые люди, он жаждал расправиться с обидчицей, но предпочитал сделать это чужими руками – князя Григория Панюшева, например.

– Вы не возражаете, если я оставлю вас на некоторое время? – самым вежливым образом обратился князь к Караваеву. – Все-таки я хочу посмотреть, в каком состоянии купальня и берег. По правде, есть у меня желание построить легкую яхту и походить под парусом по озеру. Думаю, глубины здесь позволяют?

– Позволяют, – вздохнул Караваев, – однако... – Он замер на полуслове и спросил: – Вы ничего не слышите? Кажется, кто-то кричит?

– Кричит? – переглянулись Григорий и Аркадий.

– Да-да, – закивал торопливо головой Караваев. – Я поначалу думал, что это ребятня на озере плещется и визжит, а потом думаю, нет, кто-то по дороге скачет.

И в следующее мгновение из-за поворота показалась летящая с дикой скоростью лошадь, запряженная в коляску с кожаным верхом. Кучер, стоя с перекошенным от страха лицом, нахлестывал лошадь изо всех сил, но она и сама неслась, не чуя под собой ног от ужаса. А за ней, отстав всего лишь на десяток шагов, мчался огромный бык с кольцом в носу и волочившейся за ним кованой цепью.

– Давай в сторону! – крикнул Григорий Караваеву, а сам пришпорил коня и бросился к дороге. И он почти достиг цели, когда бык сделал мощный рывок и с ходу поддел рогами коляску под задок. Колеса взметнулись вверх, и тут Григорий заметил женщину и ребенка, сжавшихся на дне экипажа. Они, видимо, уже не могли кричать от испуга и, когда задок коляски от удара подбросило вверх, вывалились из нее на обочину. К чести женщины, она не растерялась, не свалилась в обморок, а, подхватив ребенка, помчалась в сторону экипажа Караваева. Бык вновь поддел коляску, и кучер, заорав благим матом, тоже свалился с облучка. Постромки оборвались, и лошадь, испуганно взбрыкивая задними ногами и разбрасывая облепившую ее морду пену, помчалась к лесу. А бык в это время крушил коляску. Грозно мыча и взбивая копытами землю, он набрасывался на нее, топтал, рвал рогами, подбрасывал вверх. И казалось, никто не в состоянии остановить эту слепую, дикую ярость взбесившегося животного.

Григорий на скаку бросил быстрый взгляд за спину. Кажется, все обошлось благополучно! Аркадий помогал подняться в экипаж женщине, а Караваев держал на коленях ребенка. И тогда князь опять пришпорил своего Мулата, и тот вынес его к коляске. Бык взревел, отбросил сильнейшим ударом ее исковерканный верх на обочину и, опустив огромную голову, принялся бить копытом о землю, не отводя распаленного взгляда от неожиданно возникшего перед ним всадника.

Князь лихо свистнул. Мулат загарцевал под ним в нескольких саженьях от разъяренного животного. Бык глухо замычал и несколько раз хлестанул себя по бокам хвостом. Комья земли фонтаном летели из-под его копыта, которое выбило уже приличную колею на дороге. Низкие, рокочущие звуки исходили, казалось, из самого его нутра и напоминали отдаленные раскаты грома.

Григорий, действуя шенкелями, а то и хлыстом, заставил Мулата пройтись вокруг изуродованной коляски и быка. Опустив голову почти до земли и разворачиваясь всем телом вслед за лошадью, бык не спускал с всадника взгляда маленьких, налитых кровью глазок. Движения копыта его убыстрились, хвост, как добрая нагайка, рассекал воздух и ударял по мокрым потным бокам. Григорий перехватил покрепче поводья, и в этот момент бык ринулся в атаку. Но князь ждал этого броска. В следующее мгновение, изо всех сил нахлестывая Мулата плеткой, он уже галопом гнал его к озеру, в болото, к узкой полоске камышей. Шляпу князя сорвало с головы. Из-под копыт коня веером разлеталась жидкая грязь, оседая на всаднике и на Мулате, но оба ничего не замечали и не слышали, кроме грозного рева и тяжелого топота за собой.

– Ну, милый! Выноси! – крикнул князь и направил Мулата к узкому мостику через ручей, впадающий в озеро. Конь, как на крыльях, пролетел над мостками и с маху вломился в камыши. Под его копытами зачавкала грязь вперемешку с водой. Но сладостный звук, раздавшийся следом, позволил Григорию оглянуться и натянуть поводья, приказывая Мулату остановиться. Все получилось, как и замышлялось. Бык с разбегу влетел на трухлявый настил, который не выдержал тяжести громадной туши и рухнул в ручей вместе со злобной скотиной.

Бык страшно взревел, мотнул головой, разметал в стороны остатки мостика, попытался выпрыгнуть на противоположный берег, но топкое дно не давало ему точки опоры, и прыжка не получилось. Бык скатился назад, забился, как огромная рыба, отчего вода вокруг него закипела бурунами. Взметнулись в панике одна за другой мутные волны и захлестнули берег.

Пытаясь встать на ноги, бык барахтался, бился, глухо мычал. Наконец у него это получилось, и он поднялся над ручьем, весь облепленный илом и водорослями, словно чудище из детской сказки. Но холодная ванна заметно поумерила его пыл. Бык беспомощно замычал, несколько раз ударил передней ногой по воде, взбивая донный ил, и вдруг склонил голову и принялся жадно и долго пить. Затем поднял огромную морду, глянул окрест, но уже без прежней ярости, и замычал снова, но жалобно, словно корова, отбившаяся от стада.

Свесившись с лошади, Григорий кнутовищем поддел из воды цепь, подтянул ее к себе и захлестнул вокруг деревянной сваи, единственной, что осталась от мостика. Бык воспринял это безропотно, только опять вытянул морду и замычал уже обиженно. Сладили, дескать, с бедным животным! С его губ капала вода, взгляд был покорным, злоба из глаз улетучилась, и если бы не знать, что он вытворял несколько минут назад, вполне мог бы сойти сейчас за воплощение ангела на земле. Конечно, если можно представить себе ангела в десятка три пудов весом и с огромным кольцом в носу.

Со стороны дороги слышались громкие крики. Григорий оглянулся. Три мужика с баграми, бранясь на чем свет стоит, бежали по направлению к ручью. Коляска Караваева стояла в отдалении, и ее пассажиры, защитив глаза от солнца козырьками ладоней, наблюдали за происходящими возле разрушенного мостика событиями.

Григорий отъехал в сторону и спешился. Мужики тем временем подбежали к быку. Один из них ухватил его за цепь и потянул из воды. Два других принялись подталкивать его баграми

с боков, и укрощенный бык спокойно, как теленок, вышел из воды. Подняв голову, промычал опять, словно сообщил, что сдается на милость победителей, и поплелся, сопровождаемый конвоирами, прочь.

Князь проводил их взглядом, удивившись мрачности и непочтительности пастухов, но пообещал себе непременно выяснить, чей этот бык и как получилось, что он оказался на свободе. Только по чистой случайности он не успел натворить страшных бед.

Мужики подвели быка к повозке, которая вынырнула из-за поворота дороги и остановилась рядом с изуродованной коляской. Привязав быка за цепь к железному кольцу в задке повозки, пастухи вскочили на лошадей. Повозка тронулась и вскоре скрылась за очередным поворотом дороги, уводя за собой присмирившего быка и его диковатых сторожей с баграми, которыми они удерживали своего подконвойного от дурных поступков.

Князь подошел к ручью, тщательно обтер сапоги пучком мокрой травы, умылся сам, с сожалением оглядел изрядно забрызганный грязью костюм для верховой езды и лишь после этого с Мулатом в поводу направился к коляске Караваева.

Глава 5

Ксения пристально вглядывалась в зеркало. Слава богу, на лице следов не осталось. Все очевидные доказательства падения тщательно спрятаны под юбкой и длинными рукавами платья: и несколько синяков на бедре, и ссадина на колене, и царапина от запястья до самого локтя. Но именно эта царапина – сейчас она скрывалась под аккуратной повязкой – вызывала у нее самые приятные воспоминания.

Девушка на мгновение закрыла глаза, представив, как ласковые теплые пальцы касаются ее кожи, а голубые глаза, она даже не представляла, что у мужчины могут быть такие яркие голубые глаза, почти ослепляют ее. Но, может, ей все показалось, потому что она впервые видела так близко от себя лицо молодого мужчины? Ксения покачала головой и счастливо улыбнулась. Не-ет, она не могла ошибиться! Несомненно, он смотрел на нее с робостью, но одновременно с изрядным обожанием.

Как он ловко обмыл ей ранку водой из ручейка, а потом столь же быстро и умело наложил повязку из собственного шейного платка. Она до сих пор охватывала ее руку. Ксения ни в какую не согласилась ее поменять, хотя Марфуша всячески убеждала проделать это, опасаясь, как бы княгиня не догадалась, *что* было на самом деле использовано вместо бинта на поле боя.

Тогда для маскировки и, несмотря на жару, Ксения натянула на себя платье с длинными рукавами. Марфуша вновь ее причесала, и они обсудили, как донести до Наташиных ушей сообщение о происшествии с быком. Оставить случившееся в тайне все равно не получится: коляска представляла собой гору хлама, кучер лежал в людской с ногой в лубке. Сильный вывих ему с трудом вправил деревенский коновал. У Павлика же под глазом высвечивал изрядный синяк. Одна Марфуша не пострадала, потому что в момент появления быка на дороге находилась в стороне от коляски. Павлик оставил шляпу на поляне, где они собирали цветы, и она отправилась на ее поиски.

Бык выскочил из-за поворота дороги неожиданно. Конечно, поначалу они услышали его рев и отчаянные крики сторожей, но все произошло так быстро, что никто ничего не успел сообразить. Ксения просто оглянулась и увидела огромную тушу, которая неслась на коляску с низко опущенной головой и выставленными вперед рогами. Больше она ничего не помнила до того самого момента, когда над ней склонилось то самое мужское лицо с ослепительно голубыми глазами.

Позже Марфуша рассказала, что лошадь при виде разъяренного быка понесла коляску по дороге. Кучер пытался управлять ею, кричал что-то, отчаянно ругался, но она мчалась как оглашенная, и слава богу, что окаянный не вынес их на луг, там, на кочках, коляска развалилась бы в мгновение ока.

Сама Марфуша не видела, чем закончилась эта бешеная скачка, она осталась на лугу за добрую версту от места происшествия и притащилась на усадьбу пешком, когда Ксения и Павлик уже были дома. На заднем дворе Марфуше показали изуродованную коляску, а Ксения, уже в спальне, продемонстрировала изорванное чуть ли не в клочья то самое бальное платье, которое по заказу графини доставили к Пасхе из Парижа. К тому же она посеяла во время скачки свою лучшую шляпку из итальянской соломки с цветами и лентами в тон платью.

И Марфуша тоже не находила себе места от страха. Она подозревала, какие громы небесные обрушатся на ее голову в первую очередь, когда графине доложат о происшествии. Розог точно не миновать! За семнадцать лет жизни Марфуше ни разу не пришлось испытать подобного наказания, но сейчас столь печальной участи ей, увы! – не избежать. Хотя в чем ее вина, если сторожа сплеховали и бык по какой-то причине вырвался у них на волю?

– Наташа еще не приехала? – почему-то шепотом спросила Ксения.

Марфуша испуганно посмотрела на окна.

– Должна, говорят, к вечеру появиться. Но по мне, пускай раньше все закончится. Хуже нет сидеть и дожидаться! – Она с сочувствием посмотрела на свою молодую хозяйку. – Теперь уж точно графиня не позволит за усадьбу выезжать. Это ж надо такому несчастью случиться! – совсем уж по-старушечьи пригорюнилась она и вдруг встрепенулась, а глаза озорно сверкнули. – Всем плохо было б дело, барышня, но ведь удача к вам бочком повернулась! Как вам барин показался, о котором я давеча сказывала?

Ксения покраснела.

– Скажешь тоже, Марфуша, я его, поди, не разглядела.

Марфуша с недоверием покачала головой.

– Так я вам и поверила. Вы что ж, совсем без памяти были, когда он вам руку перевязывал? И в их коляске, почитай, до самой усадьбы доехали!

– Право, Марфуша, не смейся, – еще больше смутилась Ксения. – Я от стыда места себе не находила. Он небось до сих пор смеется, когда вспоминает, какой я перед ним показалась. Платье рваное, один рукав совсем отвалился, без шляпки, волосы разлохматились. Лицо и руки в грязи! Одна надежда, что он в суматохе не рассмотрел меня как следует.

– А уж тут вы зря надеетесь, барышня! – совсем непочтительно рассмеялась горничная. – Такая красота и сквозь грязь пробьется! – И она подсунула ей зеркало. И, заметив, что Ксения сморщилась, посетовала: – Не цените вы себя, барышня! Кабы цену себе знали, то и с баринком бы успели познакомиться! Он вам хотя бы назвался?

– Да, – прошептала едва слышно Ксения. – Его Аркадием зовут, а второго барина – Григорием. Того, что быка укротил!

– Ему бы вашу сестрицу подобным образом укротить! Тогда, глядишь, и у вас с Аркадием быстрее б сладилось! – Марфуша потянулась, вздохнула. Лицо ее приняло мечтательное выражение. – А после б всем мирком да за свадебку...

– Марфуша, ты с ума сошла! – всполошилась Ксения. – Что за разговоры ты ведешь? А если Наташа узнает?

– Она так и так узнает, кто вас с Павликом от смерти спас! – отмахнулась от нее Марфуша. – Все равно придется признаться, что сосед вас до усадьбы подвез. Она же не поверит, что вы пешком три версты прошли. Да и пастухи наверняка обо всем расскажут.

– Мне точно не сносить головы, если она узнает, что я встречалась с мужчинами. А если всплывет, что я в бальном платье на прогулку отправилась, да вдобавок еще порвала его... Нет, после этого мне одна дорога остается – в монастырь! Наташа не простит мне послушания.

– Вот заладили вы – монастырь да монастырь! – рассердилась Марфуша. – Сами мне говорите, что барыня только с виду такая сердитая, потому что забот полон рот и радости другой, кроме Павлика, нету. А еще я думаю, она вас из-за того в черном теле держит, что сама счастья не видала. А где его найти, если в округе стоящих женихов ни для вас, ни для нее тем более днем с огнем не сыщешь? – Она заглянула в глаза хозяйке и с любопытством спросила: – А второй барин как вам показался? Егорка говорит, огонь, а не барин!

– Про огонь не знаю, – протянула Ксения задумчиво, – но весьма плечист и статен. И на лошади держится как пришитый. Правда, смотрит мрачновато, но улыбка у него, Марфуша, просто замечательная! А как быка в воду загнал! Аркадий мне рассказал, что князю не привыкать к подобным переделкам. Он много лет прожил в Южной Америке. У него там огромное поместье, где он занимался разведением скота.

– Ну, вот, – всплеснула руками Марфуша и расплылась в довольной улыбке. – А сказали, в суматохе не рассмотрел! Да ведь он и поговорить с вами умудрился, и чуть ли не всю историю князя рассказать. А о нем самом что-нибудь узнали? Какого рода-племени, к примеру?

– Да нет, не успела, – пожалала плечами Ксения, – он и про князя-то всего десяток слов успел сказать, прежде чем усадьба показалась... Потом, Павлик все время досаждал Аркадию

вопросами про князя, водятся ли в его поместье крокодилы и слоны и приходилось ли ему встречаться с каннибалами.

– Это кто ж такие? – поразилась Марфуша.

– Дикие люди, которые занимаются людоедством.

– О боже! – Марфуша перекрестилась. – Они что ж, и вправду там водятся?

– Аркадий признался, что сам в тех местах не бывал, но если Павлик желает, то князь непременно ему расскажет о своих приключениях.

– И князь согласился?

– А он нашего разговора не слышал. Он в стороне от коляски скакал, чтобы грязью из-под колес не обдало.

– И то слава богу, Павлику нашему в диковинку со взрослыми мужчинами разговоры вести. Только бы маменьке не проболтался про это.

Ксения вздохнула:

– Я просила его не слишком вдаваться в подробности, иначе нас больше не выпустят гулять за пределы усадьбы, но, думаю, это не поможет. Рассказывай не рассказывай, но Наташа все равно все узнает. И если даже не сильно рассердится, то рисковать жизнью сына не осмелится. – И, внезапно спохватившись, с тревогой посмотрела на горничную: – А с платьем что же? Его ведь теперь не починить?

– Платье я в бане сожгла, даже пепла не осталось.

– Теперь одна надежда, что Наташа про него забудет. Балов все равно не предвидится, надевать мне его некуда. – Ксения печально вздохнула. – Одного не пойму, зачем она выписывает и мне, и себе такую пропасть нарядов. Одна забота теперь их от пыли встряхивать да лавандой перекладывать, чтобы моль не завелась. А мне так хочется потанцевать. – Она подхватила юбку за края и закружилась возле зеркала в вальсе, весело подпевая в такт своим движениям.

– Ой, барышня, не к добру вы веселитесь! – Марфуша с опаской посмотрела на дверь. – Барыня первым делом к Павлику наведается и, как только синяк узрит у него под глазом... – Горничная схватилась за голову. – Что будет, господи! Сошлет меня барыня, непременно сошлет или на птичник, или, того хуже, поросят пасти на Макеевском хуторе.

– Ладно, не голоси раньше времени, – прикрикнула на нее Ксения. – Что ты Наташу в самодурку какую-то превращаешь? Разве она не поймет, что такой случай один на тысячу приходится?

– На божницу помолитесь, барышня, чтоб она это поняла, только разве не знаете свою сестрицу? Коли она в гнев войдет, никому не поздоровится. Э-эх! – Марфуша протяжно вздохнула. – Ей бы с князем познакомиться. Самая он ей пара. И усадьбы рядом. Их бы поженить, а потом и о нас с вами подумать можно! Как бы ладно все получилось. Барыню за князя отдать, вас – за его приятеля, а меня – за Евсейку.

– Опять ты за старое, одни женихи на уме, – усмехнулась Ксения, пытаясь скрыть от самой себя, как неистово вдруг забилося сердце, а кровь прилила к щекам при одном предположении, что жизнь ее может измениться подобным образом. Сладостное томление проникло во все жилочки и растеклось по телу. Необъяснимая радость переполняла ее душу, хотелось вновь танцевать, петь, пробежаться босиком по траве наперегонки... Она закрыла на мгновение глаза, представив того, с кем бы ей хотелось сейчас более всего на свете вновь оказаться на лугу и пробежаться наперегонки. На том самом лугу, где ей бережно обмыли и забинтовали рану, а потом подняли на руки и донесли до коляски, потому что она помимо шляпки потеряла еще и туфельку. И Аркадий пошутил, что непременно найдет ее *хрустальный башмачок*.

Но... Ксения встрепелась. Он даже не спросил ее имя. А она не посмела представиться. Как же он найдет ее? Правда, он знает, где расположена усадьба, но он вполне мог принять ее за гувернантку. Поэтому и вел себя столь раскованно, шутил и смеялся, оттого что посчитал

ее за воспитательницу Павлика. А она-то раз мечталась, как он тайными тропами проберется к дому и найдет способ вызвать ее на свидание. Или завтра с утра тоже тайный курьер доставит ей письмо, в котором Аркадий признается, что с первых мгновений их встречи...

Ксения досадливо дернула головой. Все это напрасные иллюзии, которыми она чрезмерно забивает себе голову. Еще ни одна ее мечта не исполнилась, а, наоборот, все, что она ни загадает, происходит шиворот-навыворот или вовсе не сбывается. Вот и сегодня, чего они только с утра не намечтали с Марфушей на пару. А что получилось? Сплошные неприятности!

В дверь постучали, и девушки, вздрогнув от неожиданности, испуганно переглянулись. А Марфуша еще перекрестилась.

– Барыня приехали и велели вам, Ксения Кирилловна, в столовую спуститься! – возвестил рослый лакей Данила, он же старший брат Марфуши.

– Ну, как, Данилка? – справилась у него сестра, кивнув на дверь. – Сильно сердитая или в меру?

– Что сердитая, не скажу, – пожал плечами Данила, – но губы поджаты, а брови нахмурены. Однако, дома ли Павлик и барышня, вроде без злости спросила.

– Лучше бы она ругалась, – вздохнула Ксения и с видом вступающей на костер великомученицы отправилась к выходу из спальни. Марфуша торопливо перекрестила барышню вслед. Она знала, что ее черед придет чуть позже, и тогда уж барыня не обойдется хмурым взглядом. Лишь бы плетку в ход не пустила. Сама Марфуша только слышала о способностях барыни обращаться с плеткой. Говорят, запросто горлышко бутылки хлыстом срезает. Поэтому вся дворня с ужасом ждала того момента, когда хозяйка пустит плетку в дело, ведь прежний хозяин, граф Гаврила Измestьев, да и его сынок Федор большие мастаки были «вбить разум в башку через задницу». Так весьма изящно выражался князь Гаврила и крайне усердно свой же завет исполнял, устраивая массовые экзекуции на конюшне даже за малейшую провинность. Сынок от него не отставал, но ввел для порки единый день, четверг...

Вот уже восемь лет минуло, как отпели князя Федора в усадебной церкви, а графиня Наталья взяла бразды правления в свои руки. Они у нее по-мужски сильные, но и характер тоже не по-женски жесткий и своевольный. Вероятно, потому, что с малых лет она видела только нужду. Отец, Кирилл Бертенев, столбовой дворянин, славный род которого начинался от Рюриковичей, успел задолго до ее совершеннолетия пропить не только свое вовсе не малое состояние, но и приданое своей жены, урожденной графини Ромашовой. Худой, небритый, беспрестанно кашляющий, он бродил по комнатам их старого дома, бранился с экономкой, дрался с их единственным лакеем. Слуги, жалея его жену и дочерей, не позволяли Кириллу Бертеневу выносить и продавать на пропой последние вещи.

Но потом умерла мама, а вскоре отец пропал, оставив Наташу, которой едва исполнилось двенадцать лет, с трехлетней Ксенией на руках. Он исчез из их жизни навсегда. И, как шептала старая экономка Анфиса, торопливо крестясь и боязливо оглядываясь по сторонам: «Сгинул, горемычный! Грех говорить, но слава те, господи!»

Так что и Наталья, и ее младшая сестра если и встречали в своей жизни мужчин, то только самого низкого пошиба, вроде своего отца и его грязных собутыльников. А после замужества Натальи – графа Федора и его гнусных приятелей, что было гораздо хуже. Отец хотя бы не предавался разврату у детей на глазах.

После гибели отца девочек приютила дальняя родственница матери княгиня Машкова. Бедная тетушка, она думала, что совершила благое дело, выдав Наташу в семнадцать лет замуж за богатого графа Федора, сына своей близкой подруги. Да и Ксения тоже поначалу радовалась за сестру, не подозревая, к каким страданиям и несчастьям приведет это замужество. Милая, ласковая Наташа! Сколько ей пришлось вытерпеть унижений и откровенных издевательств от этого негодяя, которого судьба определила ей в мужа. Но и Ксении тоже изрядно от него доставалось и щипков, и подзатыльников. А более всего графу Федору нравилось неожиданно

ухватить ее за ухо и дернуть с особым вывертом, отчего она заходила в плаче, а он, вытирая пальцы о сюртук, брезгливо кривился: «Песья кровь! Прочь с моих глаз!»

Прошло уже столько времени со дня гибели графа, казалось, живи и радуйся, однако Наташа словно с цепи сорвалась! Раздражена, сердита постоянно и, как бы сестра ни пыталась ей угодить или подладиться под ее настроение, вечно ею недовольна, вечно выговаривает ей за малейшую оплошность.

Ксения набрала полную грудь воздуха, словно собралась нырнуть в воду, хотя на самом деле она стояла перед входом в столовую, где ее дожидалась Наташа. И наверняка та уже в курсе печальных событий, которые произошли незадолго до полудня за три версты от их усадьбы.

Девушка сделала глубокий выдох, быстро огляделась по сторонам и неожиданно подумала: «А может, и впрямь Марфуша права? И Наташе стоит познакомиться с князем?» Она опять вздохнула, представив на мгновение сестру и красавца-князя рядом. И вправду пара из них получилась бы просто замечательная! Только разве она осмелится даже заикнуться по этому поводу?

Ксения вздрогнула, представив реакцию сестры на подобное заявление, решительно отодвинула штору и перешагнула порог столовой.

Сестра не оглянулась и не ответила на приветствие. С одной стороны, ее оправдывало то, что, повернув сына лицом к окну, она самым внимательным образом рассматривала синяк под его глазом. Но с другой – она с неменьшим беспокойством могла бы поинтересоваться самочувствием единственной сестры, которой досталось гораздо больше, чем Павлику.

Но Ксюша тотчас отбросила эту мысль! Только не ревность! Она должна понимать, что Наташа прежде всего мать и забота о сыне у нее на первом месте. Но любовь эта порой смахивает на сумасшествие: сестра столь же сильно обожает Павлика, сколь люто ненавидела его отца.

– Что ж, и то хорошо, что хоть глаза не лишился! – Наташа поцеловала Павлика в лоб и усадила рядом с собой на диван. Ее тяжелый взгляд остановился на Ксении, не посмевшей подойти ближе. – Чего застыла? – Сестра усмехнулась. – Не бойся! Не ударю! Почему вы все так меня боитесь? Неужто я зверюга какая? – Последнюю фразу она повторила с горечью, но тут же, словно устыдившись минутной слабости, задала новый вопрос, с хорошо известными всем обитателям «Антика» жесткими нотками: – Объясни, как вы оказались за три версты от усадьбы, по другую сторону озера, если я разрешила отъезжать не более чем на версту?

– А мы журавля хотели посмотреть. – Голова Павлика выскользнула из-под руки матери, и он заглянул ей в глаза. – Там в камышах журавли живут. И Егор говорил, что раз журавушка с гнезда поднялась, значит, журавлята уже вылупились. Правда, Ксюша? – кинул взгляд он на растерянную тетку.

Племянник ее старательно выгораживал, потому что журавлей они собирались посмотреть только завтра, но мальчик как никто другой знал, чем грозит непослушание даже его взрослой тетке. Матушка не выносила, если кто-то поступал против ее воли. И он в том числе.

Ксения молчала. Павлику было легче. За вранье его пожурят, возможно, оставят на денек без сладкого, но если Наташа поймет, что она тоже ее обманывает... Ксения нервно сглотнула и подняла на сестру испуганный взгляд.

– Таша, я... Мы не заметили... Погода стояла такая чудесная... Мы ехали и ехали...

– И даже не увидели, что дорога обогнула озеро? – усмехнулась Наталья. И вдруг хлопнула ладонью по валику дивана. – Только не ври! Кучер мне сказал, что ты с самого начала велела ему ехать на луг за озером. Что вы там искали на пару с Марфушей?

– Мы хотели набрать букеты для столовой и гостиной. Там столько ромашек!

– Ромашек полно за усадьбой, и совсем не надо снаряжать коляску и кучера для подобных целей. Разве я не права?

Вместо ответа Ксения опустила голову. Наталья поджала губы и смерила ее взглядом. Затем взяла лежащий рядом сверток и, брезгливо скривившись, извлекла из него соломенную шляпку. Вернее, то, что от нее осталось.

– А теперь объясни, дорогая, по какому поводу тебе вздумалось вырядиться в новую шляпку? Неужто ромашки стоят подобного почитания? Надеюсь, они по достоинству оценили твой наряд?

Ксения покраснела, но ничего не ответила. Да и что можно было сказать в свое оправдание?

– Это я попросил Ксюшу надеть новую шляпку, – опять влез в разговор ее защитник. – На старой у нее и ленты, и цветы еще прошлым летом выгорели.

– Помолчи, когда старшие разговаривают, – прервала его мать и не удержалась, добавила: – Надо же, как вы против меня спелись! Слова уже нельзя сказать!

– Маменька, – Павлик не уступал ей в упрямстве, – Ксюша и Марфа ни в чем не виноваты. Этот бык выскочил из леса. Вы должны пастухов наказать, что позволили ему вырваться.

– Они будут наказаны, – произнесла Наташа сквозь зубы. – Они у меня узнают, как исправно службу нести! – Она прижала голову Павлика к груди и принялась покрывать ее поцелуями. – Господи, сынок, ты не понимаешь, что он мог вас изувечить, убить... – Она заглянула ему в глаза. – Скажи, только честно, ты сильно испугался? А то я велю привезти из села бабку, чтобы она заговорила тебя от испуга.

– Ничего не надо! Я совсем не испугался! – Мальчик вскочил на ноги и воинственно сжал кулаки. – Я тоже хочу научиться скакать на лошади, как князь! Вы бы видели, маменька, как он лихо загнал быка в воду. И тот сразу перестал буяннить. Поревел малость для порядка, и все!

– И все! – вздохнула Наташа и опять перевела взгляд на сестру. И Ксении крайне не понравилось от этого взгляда. Сестра встала с дивана. Опершись ладонью о стол, она произнесла, как обрубил: – С сегодняшнего дня все прогулки вне усадьбы прекращаю! Я не потерплю, чтобы моя сестра, которую я полностью содержу, рисковала жизнью моего сына в угоду своим низменным желаниям. Я не потерплю, чтобы она без моего ведома встречалась с незнакомыми мужчинами! Я не потерплю, чтобы эти мерзкие животные, которые пропахли вином и табаком, ступали на мою землю даже ради благих целей.

– Но, маменька! – Павлик соскочил с дивана, схватил мать за руки, заглянул ей в глаза. – Вы не можете запретить нам гулять! Быка снова заковали в цепи, и он больше не вырвется! А меня Егор обещал научить на лошади кататься и на веслах по озеру ходить...

– Ни боже мой! – вскрикнула в ужасе Наташа. – Никаких лошадей! Они же могут понести или лягнуть! И про лодку ничего слушать не хочу. А если ветер подует и перевернет ее? Нет, нет, даже речи не может быть! – Она отстранила сына от себя. – Перестань морочить мне голову. Сейчас отужинаем, прочитаешь мне четыре страницы по-латыни. Посмотрим, чему тебя Ксения научила, помимо того, чтобы лгать про журавлей. – И с укором посмотрела на сестру. – Ты знала про лошадей и лодку? При тебе Егорка ему обещал?

Ксения не успела ответить. Глаза Павлика яростно блеснули. Он топнул ногой.

– Ксюша не учит меня лгать! И Егора не трогайте! Он не виноват! Я его сам просил! – И вдруг зашелся в плаче: – Противная маменька, злая маменька! – И когда Наташа попыталась его обнять, вырвался из ее рук и выбежал из столовой.

– Ну, чего застыла? – Наташа побледнела и с гневом посмотрела на сестру. – Добилась, чего хотела? Матушка ему, видите ли, злыдня несносная, а тетка – ангел небесный! – Лицо ее скривилось. Она быстро отвернулась, махнула рукой и приказала: – Беги за ним! Как бы чего не случилось.

Ксения кивнула головой и, подобрав юбки, выбежала вслед за племянником.

Глава 6

Дубу, раскинувшему свои ветви почти над самым парадным крыльцом, было около трехсот лет. «Антик с гвоздикой» построили на месте старой, еще боярской усадьбы, напоминавшей скорее небольшую крепость, что по тем смутным и ненадежным временам было более чем оправданно. Дуб исполнял роль сторожевой башни, и в его густых ветвях хоронился настил из досок для исправно менявшихся часовых, которые не спускали глаз с озера и ведущей к усадьбе дороги. В те, уже ставшие преданием годы густые леса подходили к озеру, к боярской усадьбе вплотную, и всякой нечисти в них водилось предостаточно, начиная от дикого зверя и кончая разбойничьим людом, чьи набеги были не менее опасны, чем встреча с волчьей стаей в чистом поле непроглядной зимней ночью.

Несмотря на то что подъездную аллею пришлось пустить в обход дуба, дерево не спилили. И оно осталось несомненным украшением усадьбы – огромное, с мощными ветвями, под которыми в непогоду вполне могло укрыться небольшое воинское подразделение с пушками и лошадьми, или пастух с отарой овец, или...

Впрочем, никому из них на территории усадьбы околачиваться не дозволялось, равно как и гостям, которые тоже сумели бы изрядно повеселиться под его развесистой кроной. Но порядки молодая графиня завела строгие, поэтому дуб скучал в одиночестве, орошая каждую осень свое подножие щедрым ливнем из желудей, которые собирали в плетеные корзины и отправляли на скотный двор свиньям. Да еще досаждал он дворникам, которые его опавшую листву исправно убирали, вывозили возами и сжигали за пределами усадьбы.

Нижние ветви у дуба спилили до высоты трех аршин, а то и выше, после того как один из лакеев сломал себе шею, свалившись пьяным с настила, доски которого прогнили и частично обрушились.

Теперь вместо настила осталась лишь пара поперечных плах, на которых ранее доски крепились, и теперь они едва просматривались сквозь густую дубовую листву. Сбросить их никто не решался, а испробовать, как раньше, на прочность не рисковали даже вездесущие дворовые мальчишки. Барыня пригрозила нещадно выпороть всякого, кто осмелится подойти к дубу ближе чем на пару саженей.

В тени его кроны еще при жизни старой графини установили несколько скамеек, но на них давно никто не сиживал. Днем из-за недостатка времени, вечером из-за комаров, которые вблизи озера были по-особому крупными и злющими.

Но сейчас возле дуба творилось нечто схожее с маленьким светопреставлением. Кажется, все население усадьбы сбежалось сюда, чтобы поглазеть на невиданное зрелище. Барыня, простоволосая, растрепанная, рыдала в голос и металась под дубом, умоляя спуститься вниз маленького графа. Но он сидел верхом на толстой ветке, болтал ногами и, несмотря на слезы и уговоры матери, слезть наотрез отказывался.

– Павлик, – Наташа остановилась и молитвенно сложила руки, – не огорчай маменьку! Спускайся вниз! – И прикрикнула на рослого лакея: – Данила, бегом в дом, неси одеяла.

Данила на рысях бросился в комнаты и вернулся уже вместе с Марфушей и с охапкой одеял в руках.

– Натягивайте одеяла под дубом, – приказала Наталья. Она уже поняла, что слезами маленького упрянца не пронять, и поэтому промокнула их платочком и приступила к решительным действиям.

Через несколько минут дуб обступили рослые лакеи, растянувшие за углы одеяла. По четыре человека на каждое. Теперь, если Павлик по какой-то причине вздумает свалиться с дерева, он непременно упадет на одеяла. Но мальчик, заметив эти приготовления, полез еще выше по дереву и устроился под остатками настила. Здесь ветки были тоньше, но он, не

обращая на это внимания, поднялся на ноги и ухватился за доску, когда-то поддерживающую настил. На головы лакеев и одеяла посыпались старые желуди, листья и сухие веточки.

– Павлик! – вскрикнула Ксения. – Осторожнее! Ветка может обломиться!

Наталья перекрестилась и умоляюще посмотрела на сестру. Дворня и лакеи, молча задрав головы, наблюдали, что происходит в кроне дерева.

Павлик переступил ногами, и ветка под ним затряслась. Но маленький негодник даже не подумал переместиться ниже, лишь крепче ухватился за остатки сторожевого настила.

– Павлик, – мягко сказала Ксения, – спускайся! Смотри, на маменьке лица нет! Не пугай нас!

– Пусть она пообещает, что разрешит нам гулять возле озера, – кивком головы мальчик показал на мать. – И позволит мне кататься на лодке и верхом.

Наталья жалобно скривилась:

– Павлик, дорогой, это же опасно для жизни! На озере волны, а лошадь может понести...

В ответ мальчик внезапно оттолкнулся от ветки ногами и повис, слегка раскачиваясь в воздухе, ухватившись за доску. Толпа ахнула и метнулась к дубу, выставив руки перед собой, словно этим можно было оградить озорника от падения.

Наташа испуганно вскрикнула, и слезы вновь ручьем побежали у нее по лицу. Но сын был безжалостен:

– Не слезу, пока не позволите! Лучше я здесь останусь жить! – Он вновь взгромоздился на ветку и прокричал сердито: – Завиваться больше не буду и цветы вышивать! – Подумал мгновение и добавил: – И латынь учить.

– Павлик, одумайся. – Ксения подошла вплотную к растянутым одеялам и задрала голову вверх. Снизу ей были видны лишь ноги племянника, которые переступали по ветке. Она также заметила, что ветка сильно прогнулась. Павлик был достаточно упитанным мальчиком и не очень ловким. Ксения быстро огляделась по сторонам. Не будь вокруг столько народа, она давно бы сама вскарабкалась на дерево и стащила негодника вниз.

– Хорошо, – к ней подошла Наташа. Она справилась со слезами, и голос ее звучал по обыкновению строго. – Спускайся вниз! Я обещаю, что мы сегодня же обсудим все твои пожелания.

– Нет, – маленький упрямец продолжал гнуть свою линию, – не слезу, пока не дадите слово, что Ксюшу больше не будете обижать и меня, как барышню, наряжать.

Наташа вновь оглянулась на сестру, словно просила у нее помощи. Но та молчала. И графиня поняла, что здесь ей надо тоже решать самой. И как можно скорее, потому что руки у Павлика затекли и он держался за доску попеременно то одной, то другой рукой.

– Я согласна, – вздохнула она, а следом за ней и дворня, наблюдавшая за тем, кто ж кого переупрямит: мать сына или наоборот. Получилось наоборот. И люди облегченно перекрестились. Барчука в доме любили. Несмотря на избалованность и капризность нрава, он не пошел характером ни в мать, ни, тем более, в папеньку. И при всем своем упрямстве все же был мальчиком добрым и незлопамятным.

Но Павлик решил закрепить победу:

– Дайте сначала слово, что не накажете меня!

– Честное слово, не накажу, – произнесла покорно Наташа и вскрикнула в ужасе. Павлик переступил ногами, и они вдруг соскользнули с ветки теперь уже против воли мальчика. Он взвизгнул, пальцы его разжались. И он полетел вниз. Толпа ахнула. Наташа дико закричала и упала в обморок. Но Всевышний хранил маленького графа. Через мгновение Павлик зацепился за сук рубашкой и повис между ветвей. Он лихорадочно шарил вокруг руками, пытаясь дотянуться до соседних сучьев, но пальцы его едва доставали до ствола и ловили лишь листья да тонкие ветки.

– Не шевелись! – Ксения пробовала говорить спокойно, но голос ее выдавал, он дрожал и прерывался от ужаса. Рубашка мальчика могла вот-вот лопнуть, обломок сучка тоже угрожающе прогибался и скрипел. И Ксения собрала себя в кулак и твердо произнесла: – Веди себя спокойно. Не дергайся! Сейчас принесут лестницу и снимут тебя с дерева.

Лестницу принесли мигом, приставили ее к стволу, но не хватило футов пяти, чтобы дотянуться до мальчика. Ксения растерялась. Она оглянулась на сестру. С нею занимались Марфуша и горничная графини Глафира. Наташа сидела на траве с расстегнутым на груди платьем, а девушки терли ей виски и поднесли к носу флакон с нюхательной солью.

Ксения вновь перевела взгляд на мальчика. Он держался удивительно мужественно, не плакал и не впал в истерику, только глаза выдавали страх, когда он смотрел вниз. До земли было не меньше пятидесяти, а то и больше футов, и люди и одеяла, которые они растянули внизу, казались сверху такими маленькими...

– Барышня, – к ней подошел Евсей, – позвольте на дерево вскарабкаться. Попробую барчука снять.

Ксения с большим сомнением обвела взглядом его крупную фигуру.

– Смотри, Евсей, обрушишь ветки, тогда совсем к Павлику не подберемся.

– Да я осторожно, – пообещал кузнец.

Он и вправду довольно ловко взобрался по лестнице до самого верха и, ухватившись за ствол руками, перебрался на ветку, которая находилась ниже Павлика. Евсей покачался на ней, проверяя ее на прочность, и вскарабкался на следующую ветвь, чуть выше, но все же за добрую сажень от цели. Павлик что-то тихо ему сказал, Евсей весело ответил, люди внизу не разобрали, что именно. И в этот момент сук под ногами кузнеца обломился, и он тоже повис в воздухе, беспомощно болтая ногами. Ветка, за которую он удерживался руками, угрожающе крякнула и сломалась. Толпа внизу завопила в ужасе, но, к чести лакеев, они не выпустили одеяла из рук, и кузнец рухнул на них. Удар был такой силы, что и спасатели и спасенный растянулись на земле, образовав приличных размеров кучу-малу.

К счастью, Евсей не слишком пострадал. Кряхтя, он поднялся на ноги. Лицо его пересекла солидная царапина, один глаз заплыл, но, кажется, это были единственные потери, если не считать оторванного рукава рубахи и огромной дыры на колене.

– Ну, вот, барышня, – произнес он сконфуженно и развел руками.

Марфуша погрозила ему кулаком, а Ксения попросту не успела ничего сказать по этому поводу, хотя слова так и просились с языка. И самодовольному силачу-кузнецу очень бы от них не поздоровилось. Но тут чье-то горячее дыхание коснулось ее щеки, в нос ударил резкий запах конского пота, и она, даже не сообразив, что делает, отскочила в сторону, освобождая дорогу невесте откуда взявшемуся всаднику на темно-гнедом жеребце.

– Па-а-аберегись! – рявкнул он прямо над ее ухом и направил коня на толпу, которая мгновенно распалась на две половины.

Всадник вопреки всем правилам, по которым верховым на территорию усадьбы, кроме самой Наташи да управляющего Корнилы, заезжать строго запрещалось, чтобы не потоптать ненароком газоны и цветники, направил лошадь к дереву. Вскочив ей на спину, незнакомец выпрямился во весь рост и, минуя лестницу, ухватился за нижнюю ветку, подтянулся, и его гибкое тело скрылось среди листвы. В следующее мгновение он показался уже гораздо выше, затем еще выше и, карабкаясь быстро и ловко, как обезьяна, наконец поравнялся с мальчиком. Что-то ему ободряюще сказал и переместился на ветку, нависшую над головой Павлика.

– Эй, на рее! – крикнул он весело. – Держись, матрос!

Обхватив сук ногами, он принялся разматывать то ли длинный кушак, то ли пояс, но потом оказалось – аркан, который носил почему-то вокруг талии.

Ксения судорожно перевела дыхание. Наташа подошла к ней и взяла ее за руку. Пальцы ее мелко дрожали. И сама она была бледной и испуганной. Давно Ксения не видела сестру такой

растерянной и беспомощной. Сердце ее сжалось. Она обняла Наташу за плечи и привлекла к себе. Та прижалась к ней. Так они и стояли, обнявшись, пока неожиданный спаситель колдовал с арканом в кроне дерева. По крайней мере, внизу было совершенно непонятно, что он собирается предпринять. Но по тому, как он действовал – быстро и решительно, собравшимся под деревом людям стало очевидно, что ему не впервой снимать напроказивших мальчишек с деревьев.

Незнакомец сложил аркан вдвое и, свесившись с ветки, подвел получившуюся петлю под мальчика.

– Садись, как на качели, – крикнул он Павлику, – и ухватись руками за веревку.

Через мгновение Павлик был в безопасности. И как раз вовремя. От резкого рывка рубашка лопнула, следом сломался сучок, но незнакомец не упустил аркан и лишь крикнул:

– Эй, на рее! Крепче держись!

Павлик вскрикнул испуганно, но зато уже ничто не удерживало его и он был свободен. И это существенно облегчило задачу его спасителю. Мужчина принялся медленно стравливать аркан с мальчиком вниз, пока ноги того не коснулись толстой ветки, способной выдержать и взрослого человека.

– Держись, матрос! – прокричал опять мужчина, но Павлик и без того ухватился за ствол обеими руками. Его спаситель скользнул вниз и очутился рядом с ним. Затем притянул к себе лестницу, верхняя перекладина которой оказалась на уровне его пояса. – А теперь спускайся, – сказал он ласково. – И не бойся, я буду удерживать тебя сверху.

Он быстро обвязал мальчика арканом вокруг пояса, и тот принялся спускаться по перекладинам, а мужчина сидел верхом на ветке, держал лестницу ногами и, постепенно отпуская аркан, что-то весело насвистывал при этом. Наконец ноги Павлика коснулись земли. Наташа подбежала и прижала его к себе. Слезы вновь хлынули у нее из глаз. Она лихорадочно ошупывала его, проверяя, не повредил ли сын чего, когда сорвался с ветки, и, обнаружив, что он никоим образом не пострадал, разве что руки о сучья исцарапал, принялась его целовать, обливая слезами и приговаривая:

– Дай слово, что не будешь больше так поступать! Ты ведь не хочешь, чтобы маменька твоя умерла со страху?

– Простите меня, – пробурчал Павлик, – но я не хотел падать. Сук сам обломился.

– Слава богу, все обошлось! – произнесла Наташа с облегчением и перекрестилась. Окружившая их дворня радостно загалдела и тоже принялась креститься, совершенно забыв при этом об истинном герое дня. Первой о нем вспомнила Ксения. Приподнявшись на цыпочки, она поверх голов слуг разглядела того, кто так неожиданно, словно с неба свалился, пришел к ним на помощь. И почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Его светлость князь Григорий Панюшев собственной персоной успел уже взобраться на лошадь и немного высокомерно взирал сверху вниз на весело гомонящую толпу.

Ксения оглянулась на сестру. Но та, похоже, тоже окончательно пришла в себя. И взор устремила в одном с Ксенией направлении. Только в отличие от сестры он у нее не был ни испуганным, ни растерянным, ни тем более удивленным, а строгим и не менее высокомерным, чем у князя. Два взгляда, мужской и женский, скрестились и лязгнули, как два булатных клинка. По крайней мере, так показалось Ксении.

Лицо сестры закаменело, глаза сузились. Она молча отстранила Павлика, и заботливые руки Марфуши тотчас приняли его, обняли за плечи, и девушка повела его к дому, что-то ласково приговаривая. Мальчик покорно следовал за ней, но вдруг обернулся, выскользнул из-под ее руки и стремглав кинулся к своему спасителю, опередив опешившую от его резвости мать на несколько шагов.

– Князь! – Павлик протянул ему руку. – Спасибо вам! Сегодня вы второй раз спасли мне жизнь!

– Просто удивительно, граф, как вам везет попадать в переделки. Думаю, у вас большое будущее! – Князь соскочил с коня и положил ладонь на голову мальчику. – Однако следует научиться самому достойно выходить из подобных положений. И на чужую помощь надо меньше всего надеяться. Только на себя, и ни на кого другого! Тогда тебе и черт не страшен, и даже взвод янычар или башибузуков!

– А вы меня научите этому? – посмотрел на него с надеждой Павлик.

– Все зависит от твоего желания, – улыбнулся князь и перевел взгляд на мать мальчика, вернее, на разъяренную фурию, которая приближалась к ним быстрым шагом.

– Кто вы такой, позвольте вас спросить, и каким образом оказались на территории усадьбы? – спросила она самым резким тоном, на который только была сейчас способна, потому что задыхалась то ли от быстрой ходьбы, то ли от ярости, а вернее, от того и другого вместе.

– Позвольте представиться, – князь по-кавалерийски лихо щелкнул каблуками и, сняв шляпу, склонил голову в галантном поклоне, – князь Григорий Панюшев! С недавнего времени ваш ближайший сосед!

– Что вы делаете в моих угодьях? – Глаза графини гневно сверкнули. – Я вас к себе не приглашала, и вам следует знать, что я от подобных знакомств воздерживаюсь.

– Простите, сударыня! – Губы князя сжались в узкую полоску. – Я тоже не горю желанием знакомиться с вашим сиятельством, но назрел ряд обстоятельств, которые я хотел с вами незамедлительно обсудить.

– Никаких дел, никаких обсуждений! – Ксения видела, как сестра закусила губу – первый признак того, что она в бешенстве. Слуги это тоже поняли и потому бросились в разные стороны, точно куры, заметившие в небе коршуна.

В мгновение ока на поляне возле дуба никого не осталось, кроме графини, оцепеневшей Ксении, Павлика и неожиданного визитера, который нахлобучил шляпу на лоб и с вызовом посмотрел на Наталью.

– Ваше сиятельство графиня, как бы вам этого не хотелось слышать, но я вынужден заявить, что не позволю впредь бесчинств, которые творят ваши крестьяне в моих угодьях. Сегодня мои егеря задержали двух лесорубов, трех охотников с силками, пятерых мальчишек, которые чуть не подпалили березняк всего в версте от моей усадьбы. Все они отпущены с миром. Но только на первый раз. Если подобные безобразия повторятся, то уверяю, сударыня, я сумею найти управу и на ваших холопов, и на вас!

– Как *вы* смеете? – Наталья задохнулась от негодования и беспомощно оглянулась по сторонам. Как назло, никого из слуг рядом не оказалось. И этого беспардонного наглеца некому было взять и вытолкать в шею с ее усадьбы.

– Маменька, как вы смеете! – Павлик пришел в себя и топнул ногой. – Князь уже два раза спас меня от смерти! Ксюша, скажи! – Он подбежал к тетке и потянул ее за рукав.

– Наташа, князь действительно... – произнесла робко Ксения, но сестра уже закусила удила, и теперь разве что ушат холодной воды мог остудить ее гнев.

– Прекрати! – прикрикнула она на сестру. – Дай мне разобраться, почему князь соизволил оказаться в моих угодьях! Видите ли, моим крестьянам возбраняется появляться на его землях, а ему, выходит, на моих дозволено? Извольте ответить, князь, с какой стати вы шлаетесь там, где вам не положено?

– Простите, – князь едва заметно улыбнулся, – сударыня изволят ошибаться! И я хотел бы со своей стороны справиться у вас, с какой стати вы пользуетесь моей дорогой, как своей? Да еще допускаете туда своих олухов пастухов, по чьей милости сегодня чуть не погибли ваша сестра и сын.

– С пастухами я разберусь без ваших напоминаний, – произнесла Наталья сквозь зубы и сверкнула глазами на Ксению, отчего та почувствовала, как вся кожа у нее покрылась мураш-

ками. – Но дорога всегда принадлежала Измestьевым, поэтому ваши претензии совершенно не обоснованы.

– Ошибаетесь, графиня, – опять усмехнулся князь и, минуя стремяна, взлетел в седло. – Дорога испокон века принадлежала князьям Завидовским, а теперь по закону перешла в мою собственность. А так как срок вашей аренды истек еще пять лет назад, то я намерен взыскать плату за пользование моей дорогой в недельный срок. Иначе вам и вашим крестьянам придется добираться до города в объезд, а это, насколько мне известно, лишних полсотни верст пути. Так что решайте, сударыня, или вы выплачиваете мне за аренду дороги за те годы, что вы пользовались ею безвозмездно, или...

– Вы меня шантажируете, – произнесла Наталья с облегчением. Гнусная сущность нового владельца Завидова окончательно проявилась, и графиня ввела в бой резервные силы: – На днях я побываю у землеустроителя и у стряпчего, чтобы уточнить границы наших с вами владений, но с этой секунды ни один ваш рыбак не покажется на озере. Я велю потопить всякую лодку, которую обнаружат мои слуги.

Князь, похоже, на мгновение растерялся, однако быстро взял себя в руки и очень вежливо уточнил:

– А разве северная часть озера не принадлежала князьям Завидовским?

– Ровно настолько, насколько им не принадлежала сама дорога! – произнесла Наталья с заметным торжеством и с вызовом посмотрела на князя.

Он тоже смерил ее взглядом. Слегка насмешливым и, как ей показалось, крайне дерзким. Только почему-то кровь вдруг прилила к ее щекам, и графиня машинально поправила растрепавшиеся волосы и провела языком по пересохшим вдруг губам.

Взгляд князя переместился с ее лица чуть ниже. Наталья невольно подняла руки, пытаясь избавиться от внезапного спазма, перехватившего горло, и чуть не вскрикнула от ужаса. Лиф платья был растегнут, являя свету и взору князя нижнюю сорочку. Она судорожно стянула пальцами края лифа и принялась лихорадочно застегивать мелкие пуговицы. Пальцы ее дрожали, пуговицы не желали попадать в петли, а князь продолжал изводить ее пристальным и насмешливым взглядом, который медленно прошелся по плечам графини, ее груди, слегка притормозил на шее и вновь вернулся к лицу. И тут их глаза встретились...

Ксения заметила, как вспыхнула сестра, затем побледнела, а потом решительно вздернула подбородок.

– Простите, князь! Я искренне вам благодарна за спасение моего сына и сестры, а сейчас прошу немедленно покинуть мою усадьбу и впредь без моего на то разрешения здесь не появляться!

Князь задумчиво посмотрел на нее, потом сдвинул кнутовищем шляпу на затылок и присвистнул совсем по-разбойничьи, словно никогда не был обучен хорошим манерам:

– Мне говорили, что вы отменная самодурка, графиня, но не до такой же степени? Вы превзошли все мои ожидания!

– Убирайтесь прочь! – процедила Наташа сквозь зубы. – И запомните! Ни одного рыбака на озере!

– И ни ноги ваших людей или колеса на моей дороге! – расплылся в злорадной ухмылке князь. – Я передумал брать с вас аренду! И с этой минуты я полностью запрещаю вам пользоваться моей дорогой. – И неожиданно подмигнул Ксении. – На войне как на войне! – Затем, хлестнув жеребца плетью, пустил его в галоп. Из-под копыт фонтаном взлетели куски дерна. Еще мгновение, и всадник исчез за воротами усадьбы. Наташа растерянно посмотрела на сына и сестру и, подхватив юбки, почти бегом направилась к дому.

Павлик подошел к Ксении. Глаза мальчика смотрели печально. Похоже, он едва сдерживался, чтобы не заплакать.

– Ксюша, – произнес он тихо, – зачем она со всеми ругается? Князь ей ничего плохого не сделал, а она налетела на него, накричала. И теперь он откажется учить меня кататься верхом и не расскажет о своих приключениях. – Он перевел взгляд на мать, медленно поднимающуюся по ступеням парадного крыльца. Она, казалось, едва передвигала ноги от усталости. Павлик вздохнул: – Нет, теперь точно погулять к озеру не отпустит, раз князь запретил по дороге ездить. А жаль, он мне так понравился. – И, заглянув в глаза тетке, требовательно спросил: – А тебе?

– Мне тоже понравился, – вынуждена была признать Ксения и тут же спохватилась: – Смотри, маменька твоя узнает про наши симпатии, обоим не поздоровится.

И, обнявшись, тетка и племянник направились в дом вслед за княгиней.

Глава 7

За ужином Наташа ни к чему не притронулась, лишь пригубила пару раз вина. И не вымолвила ни единого слова, даже не сделала Павлику замечания, когда тот опрокинул на скатерть розетку с вареньем, и, как подозревала Ксения, намеренно, чтобы вывести матушку из непонятого им обоим оцепенения. Вероятно, Наташа до сих пор не могла прийти в себя после встречи с князем. И Ксения ее вполне понимала. У нее тоже пропали бы и аппетит, и настроение, обрушья на нее подобный шквал неприятностей, который настиг и почти сбил с ног сегодня ее сестру.

Но и князь тоже хорош! При всей возникшей к нему симпатии Ксения не могла не отметить, что сосед повел себя отнюдь не по-рыцарски, заставив Наташу страдать от унижения. Такого она не переживала со дня гибели графа Федора ни разу! Никто не позволял себе насмешничать над ней, тем более указывать, что ей делать. И не просто указывать, а презрительно цедить слова сквозь зубы в не терпящем возражений тоне. Даже Ксении этот тон показался крайне оскорбительным, а что тогда говорить о Наташе? Бедняжка, ее лицо до сих пор то и дело покрывается багровыми пятнами. Видно, и впрямь никак не может отойти от потрясения!

Ксения громко вздохнула и сама испугалась шума, который произвела. Настолько тихо было в столовой. Наташу сегодня не радовал даже чудесный закат, разлившийся над озером. Ведь оно, того гляди, превратится в арену борьбы за независимость. А как поступить с дорогой? Ксения понимала, что запрет князя пользоваться ею мог сказаться на состоянии дел в имении. По ней возили в город битую птицу, яйца, молоко, живую рыбу в бочках. Все это сбывалось белореченским купцам и перекупщикам из столицы. Теперь, если обозы направить в объезд, понадобится больше суток, чтобы добраться до города, а раньше хватало пяти часов.

Да-а, есть над чем задуматься Наташе! Убытки предстоят немалые, а если еще князь заломит непомерную цену за аренду дороги, а, судя по его поведению, с него станется, Наташино упрямство дорого будет стоить и самой хозяйке, и всем, кто проживает в имении. Графиня не привыкла уступать и, если шла в наступление, пленных не щадила!

– Ксюша, – та даже вздрогнула, так неожиданно прозвучал голос сестры, – уложи Павлика спать и приходи в нашу беседку. Мне надо с тобой поговорить.

Наташа подняла на нее усталый взгляд и улыбнулась, заметив, как изменилась в лице младшая сестра.

– Не бойся, ничего страшного, просто мы так давно там не бывали! – Она вздохнула и отвела взгляд в сторону. – Я приказала навести в ней порядок и расчистить дорожки. И чай велела туда подать. Помнишь, как мы прятались там от свекрови и болтали обо всем на свете? Ты тогда была совсем маленькой, а Павлик только-только начинал ходить. Он ползал по одеялу, а то поднимался на ножки, и мы бросались к нему, стоило ему покачнуться или сесть на попку.

– Маменька, а можно мне с вами в беседку? – Павлик умоляюще посмотрел на мать. – Смотрите, – кивнул он на окна, – совсем еще рано ложиться спать!

Но Наташа, даже слегка расслабившись, никогда не забывала о своих правилах, и если Павлику было положено отправляться ко сну в девять часов вечера, значит, так тому и быть, даже без скидки на чрезвычайные происшествия или из ряда вон выходящие события. Потому и на этот раз была неумолима, правда, голос ее звучал заметно ласковее, чем обычно.

– Нет, Павлик, сегодня ты должен лечь в постель вовремя! Но в другой раз мы с Ксюшей возьмем тебя в беседку, обещаю! – И она поцеловала сына в лоб.

– Но вы позволите нам завтра покататься за усадьбой? – Павлик не преминул укрепить завоеванные позиции и на всякий случай капризно напомнил: – Вы обещали!

– Ну, что с тобой поделаешь, – вздохнула, сдаваясь, мать. – Только ты тоже обещай во всем слушаться Ксюшу и не лезть без спросу куда не следует!

– А куда не следует? – Глаза мальчика блеснули любопытством.

– Если ты меня любишь, то не будешь задавать глупых вопросов, – сказала сухо Наташа, – и ты, наверное, понял, что вам *не следует* кататься по дороге вдоль озера, иначе князь возьмет вас в плен.

– Ура! – Павлик даже подпрыгнул на стуле. – Хочу в плен! – И посмотрел на тетку: – Ксюша, ты хочешь в плен к князю? А вдруг он женится на тебе!

– Господи! Павлик! – вскричали в ужасе мать и тетка. – Что за разговоры? Прекрати сейчас же!

Мальчик довольно ухмыльнулся:

– А что? Помнишь, Ксюша, ты читала сказку о спящей царевне и показывала мне картинку, где принц стоит возле хрустального гроба? По-моему, князь – вылитый принц, только с усами и волосы у него короче.

– Прекрати болтать чепуху! – рассердилась Наташа и строго посмотрела на сестру. – Веди этого негодника спать, а то он слишком уверился, что прижал маменьку к ногтю. Нет, сударь мой, – она погрозила пальцем, – если я и пошла на некоторые уступки, то это совсем не значит, что я согласна плясать под твою дудку! Иди спать, а завтра еще посмотрим, как ты себя поведешь на прогулке. Ведь мне недолго забыть про свои обещания, если ты забудешь про свои – вести себя должным образом, как и подобает графу Измestьеву.

И юному графу Измestьеву ничего не оставалось, как шмыгнуть носом, поцеловать руку маменьке, пожелать ей доброй ночи и поплестись следом за теткой в детскую, где через полчаса он уже спал крепким сном, невзирая на страшные события сегодняшнего дня. Правда, ночью он несколько раз вскрикивал во сне, а ближе к рассвету одеяло и подушка и вовсе перекочевали на пол. И скорее всего по той причине, что девятилетнему графу снилось, как он взапуски скакал на лошади, бился на мечах с отрядом воинов в странных доспехах, а потом кто-то в блестящих латах повесил ему на грудь большой орден. И он сиял и переливался, как солнце, лучи которого разбудили его утром...

Сестры, как прежде, когда Ксюша еще умещалась под мышкой старшей сестры, сидели, обнявшись, в беседке и наблюдали за медленно угасающей светлой полоской зари над озером. Узкий серп молодого месяца уже вынырнул из-за горизонта и, словно рыбачий челн по морю, поплыл по небу, раздвигая рожками редкие облака, а звезды, точно далекие маяки, подмигивали ему, указывая дорогу в густой тьме, спустившейся на землю.

Остро пахло сыростью, молодой зеленью и прогретой на солнце землей. В траве вовсю заливались цикады, далеко за усадьбой глухо ухнула сова, возвещая о том, что пришло время ночной охоты, в кустах несколько раз яростно мяукнули и задрались дворовые коты. Из деревни доносился редкий брех собак, звуки балалайки и визги девок. Весенние работы закончились, до сенокоса еще недели две, как тут не пожениться и не поневеститься?

Наташа несколько раз тяжело вздохнула, но продолжала молчать, а Ксения не осмеливалась начать разговор первой. Но все же использовала это время по своему усмотрению. Как бы то ни было, своими мыслями она могла распоряжаться как хотела. Поэтому и направила их в желанное русло, прокрутив в памяти уже в который раз все подробности утренней встречи с новыми соседями.

Князь, конечно же, произвел на нее впечатление. Определенно, он умел сводить с ума женщин, ровно ничего не делая для того, чтобы привлечь их внимание. И чего лукавить, он и вправду был очень красив. Причем темный, заработанный явно не под российским солнцем загар, широкие плечи, тонкая талия и широкополая шляпа делали его похожим скорее на испанского гранда, чем на русского помещика, что само по себе было романтично и выделяло

его из ряда местных Парисов и Аполлонов, упитанных и изрядно обленившихся на деревенских хлебах. Шляпу он к тому же носил, слегка надвинув на лоб. И этот взгляд исподлобья, и эта улыбка, которая слегка кривила губы, и его посадка в седле – все подтверждало, что князь знает себе цену и для местных красавиц настали тяжелые времена. Скоро, совсем скоро забьют прямой наводкой мортиры, гаубицы и прочая тяжелая артиллерия, чтобы взять приступом крепость под названием «князь Григорий Панюшев». Весь арсенал кокетливых ужимок, томных вздохов и многозначительных взглядов, парад фамильных драгоценностей, искусство куаферов и портных – все резервы будут брошены в бой в этой необъявленной войне за внимание богатого и красивого мужчины. И всякая вставшая на тропу войны женщина будет втайне надеяться, что именно она окажется той единственной и желанной, на которую князь обратит свое светлейшее внимание...

Но Ксения изначально в это число не входила, потому что сердце ее билось сейчас в унисон с сердцем другого человека. И хотя она не подозревала о том, но именно в эти минуты он тоже стоял возле открытого окна, смотрел в сад и ничего не видел, потому что все заслоняло милое девичье лицо той, с которой ему удалось перебраться сегодня утром едва ли десятком фраз и вряд ли предстоит вскоре увидеться, судя по тому известию, которое час назад привез князь...

Итак, Ксюша страдала, что теперь наверняка не получится встретиться с Аркадием Дроздовским, а он по той же самой причине страшно рассердился на своего приятеля, не преминув в глаза назвать его чрезмерным гордецом и упрямым, который ничего не смыслит в дипломатии, а берется с кондачка решать столь сложные споры. В результате графиня и вовсе встала на дыбы, а конфликт, который выеденного яйца не стоит, грозит перерасти в перманентную войну. Победителей в ней точно не будет, а вот жертв наверняка не избежать. И количество их известно только Всевышнему...

– Ксюша, – неожиданно перебил мысли девушки голос старшей сестры, – скажи, что я такое делаю, что все шарахаются от меня как черт от ладана? Почему все считают меня самодуркой, хотя я хочу только добра и требую лишь порядка во всем? Неужто следует позволить дворне и крестьянам жить по своему усмотрению? Но ты понимаешь, к чему это приведет? Да ни один из наших соседей не позволит себе подобные послабления! Но все они слывут милыми, рачительными хозяевами, добронравными и благочестивыми, хотя и барщина у них непомерная, и крестьянам хлеба до весны не хватает, и розги у них всегда наготове в конюшне стоят, а я и половины того не делаю, что они на своих землях творят, а слыву местной Салтычихой, которой разве что детей не пугают!

– Наташа, ты сильно преувеличиваешь. – Ксения погладила ее руку и, заглянув в глаза, ласково улыбнулась. – Просто все они живут как хотят, ездят по гостям, устраивают балы, охотятся, сплетничают в открытую и за глаза... Словом, *все про всех все знают*. И по этой причине изрядно друг другу наскучили и давно не интересны. А о тебе злословят, потому что ты их в грош не ставишь, с визитами не едешь, к себе в гости не приглашаешь. Потому и рождаются столь невероятные слухи, что ты отгородилась от мира стеной. А что за этой стеной происходит, никому не ведомо, но очень интересно узнать. А раз узнать не получается, то мигом рождаются слухи, причем один нелепее другого. Ты меня понимаешь? – Ксения робко улыбнулась, испугавшись своей неожиданной смелости. Ни разу в жизни она не произносила подобных слов, хотя и проговаривала неоднократно в уме, понимая, что никогда не посмеет сказать их вслух.

Но Наташа, против ее ожиданий, не рассердилась, не фыркнула гневно, как это всегда бывало, стоило Ксении хотя бы заикнуться о своем мнении. Никто не смел спорить или перечить графине даже в мелочах, а тут ей высказывают целое обвинение, и она вместо того, чтобы одернуть сестру, вдруг прижала платочек к глазам и разрыдалась.

– Ксюша, я так устала! Я чувствую, как во мне копится что-то ужасное, чего я сама боюсь, но мне с этим уже не справиться. Я набрасываюсь с руганью на слуг по малейшему пустяку, постоянно упрекаю тебя, говорю всякие гадости и потом сама же себя за это укоряю. Мне так хочется иногда, чтобы меня просто погладили по голове, помнишь, как это делала когда-то мама! Или забросить все дела, уехать куда-нибудь, чтобы на время забыть про заботы! Ночью я долго не сплю и с ужасом думаю о том времени, когда останусь совсем одна. Что бы я ни говорила, чего бы ни опасалась, но Павлик не проживет всю жизнь возле моей юбки. Ему надо повидать свет, узнать жизнь... – Наташа смущенно улыбнулась, промокнула слезы, деловито высморкалась и уже более весело произнесла: – Видишь, твои слова не пропали даром. Я тоже поняла, что Павлик – будущий мужчина и наша с тобой задача вырастить и воспитать его так, чтобы он смог противостоять всем трудностям жизни. Жаль, конечно, что я поняла это только после сегодняшнего случая. Ты заметила, как он смотрел на этого негодяя князя, и только потому, что тот сидел верхом на лошади? Ни разу в жизни Павлик не посмотрел на меня, свою мать, с подобным обожанием, хотя ежедневно видит меня верхом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.